

Юрий и Вера Каменские

ЛОЦМАН С "АРГУСА"

Юрий Каменский

**Лоцман с «Аргуса».
От создателей «Витязя
специального назначения»**

«Издательские решения»

Каменский Ю.

Лоцман с «Аргуса». От создателей «Витязя специального назначения» / Ю. Каменский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834474-9

В незапамятные времена остров Арктида погиб и население острова ушло через Храм Странствий по Мирам. Прошли тысячи лет. Новый мир забыл о том, что тому, кто не хочет кормить свою армию, придётся кормить чужую. А на Земле XXII века идёт война против «изгоев». И с космодрома стартуют корабли без надежды вернуться обратно. Эскадра оказывается в той же системе, в которой находится новая Родина ариев. И пришельцы без особого труда становятся хозяевами планеты. Но не все смиряются с этим.

ISBN 978-5-44-834474-9

© Каменский Ю.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Господа офицеры сто лет спустя	8
Глава 2. Как захомутать лоцмана в XXII веке?	17
Глава 3. Бегство в никуда	24
Глава 4. Отрок и аспид	30
Глава 5. Зелёный ад	36
Глава 6. Дива с сюрпризами	43
Глава 7. Наперегонки со смертью	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Лоцман с «Аргуса»
От создателей «Витязя
специального назначения»
Юрий Каменский
Вера Каменская**

© Юрий Каменский, 2016

© Вера Каменская, 2016

ISBN 978-5-4483-4474-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

«Аристоник, сын Меланиппа, Гиперборея, 8393 год Золотого Века, или 1958 год эры Скорпиона, хайре:

Скорбью наполнено моё сердце. Наблюдаю последние часы Гиперборея, восславленной в веках, и руки опускаются в бессилии. Но долг Летописца не позволяет мне поддаться слабости и, укрепляя сердце, излагаю в письме то, о чём язык мой злосчастный не в силах был бы молвить.

Не желая утомлять того, кто будет читать эти пропитанные слезами строки, я всё же коснусь предыстории события. Ибо не открыто смертному, суждено ли Гее выдержать такой страшный удар, или всё рухнет во мрак Аида. Молю Богов, чтобы уцелел этот документ, и потомки узнали, как зародилась благословенная Гиперборея, как, на горе себе, пригрела на груди недостойных атлантов, и как жестоко поплатилась за великодушие своё.

В незапамятные времена повержены были титаны богами и изгнаны за пределы Ойкумены. И пришли они в этот край, и искусством своим вдохнули жизнь в землю, скованную вечными льдами. И на месте холодной пустыни выросли города и расцвели сады. Страна же была названа Арктидой.

Титаны брали в жёны дочерей человеческих, и от этих браков появился славный народ – арии. Велики были знания и неисчислимы ремёсла, которыми они владели. И не было в Ойкумене народа, более искусного в том и другом. Сами же титаны пребывали в храме своём, лишь изредка помогая советами детям своим. Арии прозывали их Мудрыми. Точно над жерлом Великой Впадины высилась Великая Гора Меру, а на вершине её Храм Странствий по Мирам – средоточие духовной силы Арктиды.

Благодаря магическому искусству неизвестных зодчих это огромное каменное здание висело в воздухе. Шли века, и огромная тень парящего Здания все также падала на неподвижно мчащиеся стены чудовищного водоворота. Тень эта имела форму креста. И она множилась и мерцала, каждый раз отражаясь чуть иначе. Сполохи небесного огня, не прекращая, плясали над горизонтом внутреннего моря Арктиды. Сами арии именовали этот водоворот Коловратом, ибо, уходя под землю холодной, выходила вода согретой подземным огнём, и вечное лето царило над Арктидой.

Движимые лучшими чувствами, приблизили арии жителей острова, именуемого Атлантида, что расположен был в море Эллинском за Геркулесовыми Столпами. Ибо атланты были искуснее остальных людей в ремёслах и науках. И одарили их арии разными устройствами, чтобы поднять до своих высот. Видя их преданность и раболепие, поверили они в преданность атлантов, и научили многим премудростям, даже летать по воздуху.

Но чёрной неблагодарностью заплатили атланты простодушным ариям. Нашлись такие, что сказали: «Мы сами подобны богам, почему мы должны подчиняться титанам? Чем они лучше нас?» И чернь, гордая оттого, что равна богам, пошла за ними. Атланты страшным оружием, которому имени нет, уничтожили земли благословенной Арктиды, превратив её в воду. Но велика была сила титанов, и ответным ударом стёрли они Атлантиду с морской глади, которая поглотила мятежный остров.

На горе ариям, не разглядевшим за показным смирением атлантов чёрного коварства, вероломным ударом разрушен был Коловрат, согревающий и земли, и воздух. И цветущий некогда край стал погружаться в ледяной мрак.

О горе нам! Мы уходим через Храм Странствий по Мирам, что высится ещё над священной горой, ибо говорят Мудрые, что и он будет разрушен скоро. Все люди, оказавшиеся в Арктиде, собраны добродетельными ариями. И скиты, и эллины и другие. Ухожу и я, но брошу документ этот в воду в слабой надежде, что он дойдёт до наших потомков. Хайре!»

Данный документ, исполненный на табличке из неизвестного металла, поднят со дна Белого моря 17.07.2123 г. Гидрографической Экспедицией Российской Академии Наук.

Глава 1. Господа офицеры сто лет спустя

– Ну, что, Макс, ещё по пивку и по пещерам?

– А, запросто! – слегка заплетающимся языком отозвался Макс, худощавый сутулый мужчина лет сорока.

Длинное унылое его лицо заметно оживляли голубые, чуть навывкате, глаза. Знающий человек, хорошо приглядевшись, мог бы сообразить, что простецкий вид обманчив. Вот его товарищ, сидевший напротив, не представлял собой ничего сложного – здоровяк с короткой стрижкой и круглым небритым лицом был настолько прост, что любой, поглядевший на него, без ошибки определил бы пьяницу и бабника. Собственно, на этом и строился расчёт.

Они уютно расположились за угловым столиком бара, между кадкой с лопухастым цветком и дверью в подсобку, прикрытой складками штор. Оттуда лениво выглядывала официантка и курила сигарету в ожидании заказов. Приглушенный свет и стилизованные под старину подсвечники с горящими свечами, отбрасывали колеблющиеся тени, в которых поблескивали ряды бутылок за стойкой.

Немногочисленные парочки цедили под лимончик коньяк, потягивали вино и не замечали никого вокруг. В мужских компаниях предпочитали свежее пиво, которое здешний хозяин завозил прямо в бочках, а не в жестяных упаковках, портящих вкус благородного напитка. Макс с Лёхой как-то зашли по нечаянности и, оценив сервис, «ныряли» сюда в редкие свои выходные душевно расслабиться.

– За что я люблю нашу работу, – продолжал развивать мысль здоровяк Лёха. – Так это за выходные. Сидишь, тянешь пивко, и похрен всё...

– Ага! – саркастически хмыкнул Макс. – А Антон Филиппович в это время набирает номер телефона и думает...

– Типун тебе на язык! – суеверно сплюнул через плечо Лёха. – Дурак, что ли?

– Сам ты дурак! – пьяно обиделся Макс. – Совсем мозги отоспал со своими тёлками!

И в это время в кармане Алексея телефон бодро исполнил «Канкан». Не шибко-то он любил эту бравурную мелодию, но установить на вызов своего любимого Грига – значило бы выйти из образа. Он глянул на дисплей, сморщился, словно хватил касторки, и, убивая напарника взглядом, приложил его к уху.

– Да, Антон Филиппович. У нас выходной, между прочим... понял, выезжаем. Накаркал, блин.

– Ага, накаркал, как же! Да он нам ещё ни одного выходного догулять не дал. Мог бы и сам сообразить, аналитик хренов!

...В приёмной, на месте референта сидел Павел Федосович – кадровик, штаб и информационный центр в одном стакане. Трудно было поверить, глядя на этот «божий одуванчик», что перед тобой живая легенда отдела. Молодость безжалостна и за глаза Федосыча как только не называли – самое мягкое было «обломок империи» или «ветеран третьей мировой». Хитрый дед, конечно, знал всё это, но, как всякий матёрый опер, любил притворяться слепоглухонемым.

– Явились, субчики? – встретил он Алексея с Максом, и подозрительно потянул носом. – Опять крёстный ход по кабакам?

– Не грехи, Федосыч, – огрызнулся Макс. – Законный выходной, имеем право.

– Право – возведённая в закон воля господствующего класса, – воздев к потолку сухой палец, провозгласил Павел Федосович. – А какой вы класс? Так, прости, Господи, прослойка.

– Спасибо, что не прокладка, – с чувством поклонился Макс. – Филиппыч у себя?

– Где ж ему быть? Он уже две телефонные трубки сгрыз, вас ожидаючи. А вы в приёмной лясы точите да глаза мне мозолите.

На два испепеляющих взгляда Федосыч лишь добро улыбнулся, спрятав глазки в пучок морщин.

– Разрешите, Антон Филиппович? – приоткрыв тяжёлую дверь, сунул голову в кабинет Лёха.

– Входите, входите.

Начальник отдела анализа и прогнозирования Антон Филиппович Корсаков, немолодой лысоватый мужчина, сидя за столом, показал на кресла перед собой, давая понять, что доклады и стойки «во фронт» не ко времени. Господа офицеры, поняв, что «крутить вола» недосуг, осторожно присели и преданно уставились на начальство.

– Максим Владимирович, у тебя с английским как?

– Да нормально, сами знаете, – не задумываясь, ответил Макс. – «О-кей» и «вэри-вэлл» знаю, остальное на пальцах.

Филиппыч хмыкнул. Конечно, он знал. Он много чего знал. В том числе, и то, что с иностранными языками у Макса всё в порядке. Произношение, правда, рязанское, но это Бог с ним. И то, что майор Красников, буде на то необходимость, объясниться сможет даже с инопланетянином.

– А у тебя, Лёша, как?

Капитан Титов пожал могучими плечами.

– В институте английский учил. Но не помню ни фиги, если честно. Давно это было.

Давно, конечно, в позапрошлом веке. Всего-то семь лет Алексей в отделе. Правда, башка у него золотая, несмотря на то, что раздолбай. И не только с виду.

– В общем, так, господа офицеры. Про то, что нашего потенциального противника коренное население под зад мешалкой попросили, вы, надеюсь в курсе? За новостями-то следите или как?

– Правильно попросили, – отозвался Макс.

– Ага, значит, в курсе. Теперь слушай боевое задание: выехать на место, завербоваться в их экспедиционный корпус, – говоря, он насыпал в широкогорлую стеклянную колбу кофе и, налив из графина воды, поставил на спиртовку.

Щёлкнул зажигалкой, полюбовался на вспыхнувшее синеватое пламя и снова повернулся к операм:

– Ну, и адаптироваться потихоньку. Основная задача – эти уроды готовят Коалиции сюрприз – биологическое оружие. Что-то, связанное с инсектоидами.

– Я таких умных слов не знаю, – буркнул Макс. – По-человечески нельзя объяснить?

– Они работают с насекомыми, – на полном серьёзе пояснил генерал-майор Корсаков. – Ваша задача: всё это поломать, трагедии не допустить, ну, и далее по тексту, сами знаете. Материалы у Павла Федосовича, неделя на подготовку и вперёд, за орденами.

... Вот почему восемь дней спустя они сидели в таком же баре, потягивая пиво. Разница была лишь в том, что происходило это на другом конце земного шара, в Санта-Барбаре, а бочковым пивом здесь и не пахло. Территория, на которой они находились, войсками Коалиции не контролировалась. Это был своего рода Дикий Запад. Новые законы сюда ещё не дошли, а старые уже не действовали.

– Сплошной антиквариат вокруг – буркнул Макс, иронически оглядывая окружающую их действительность.

– Ага, блин, и откуда столько старья всякого набралось... – расставил точки Лёха и, плюхнувшись в кресло, переключил внимание с антуража бара на его посетителей.

Жизнь в городе, как было сказано в каком-то древнем фильме, начинается тогда, когда в город входят военные. В этом городке такая жизнь не просто была. Нет, она кипела и была ключом. Доказательством тому служили пятеро здоровых мужиков в пятнистом камуфляже, которые, вот уже полтора часа, предавались греху пьянства. На рукаве был знакомый до боли красно-синий шеврон морской пехоты, а на груди красовалась незнакомая доселе нашивка «S7».

В качестве иллюстрации греха служили разнообразные напитки. Пиво, виски, джин – в ход шло всё. Двое, вот уже полчаса, пытались спеть про какое-то «Курземе». Черноволосый рослый парень, взяв поднос, пальцами выбивал на нём рассыпчатую дробь. Ещё двое, ругаясь на каком-то непонятном языке, боролись на руках, то и дело сшибая локтями на пол пивные банки и стаканы.

– Вот уроды, – вполголоса заметил Макс, наблюдая за шумной компанией поверх стакана. – И долго мы так сидеть будем? Ещё немножко, и с ними уже не то, что познакомиться будет нельзя, их разбудить будет невозможно.

– Не переживай, – буркнул Лёха. – Есть один старинный казачий способ.

Он взял со стола пульт, на котором как раз загорелся зелёный индикатор, извещающий, что до их столика дошла очередь заказа мелодии.

– О! – удовлетворённо сказал Алексей, включая «выбор». Нажав несколько раз сенсор, он навёл пульт на музыкальную установку и в зале зазвучала песня на русском языке. В словах песни ничего крамольного не содержалось. Самого факта того, что песня была русская, с лихвой хватило, чтобы пьяная компания повела себя именно так, как запланировал хитромудрый Лёха. И парни в камуфляже не обманули его ожиданий.

Один из поющих, сцапав со стола пивную бутылку, вскочил на ноги с проворностью, которую трудно было ожидать от пьяного.

– Кто?! – гневно заорал он и, оглядевшись налитыми кровью глазами, наткнулся на два ленивых взгляда за соседним столиком.

Один из них, в довершение ко всему, приветственно приподнял бокал с пивом. Белобрысый взревел и, не задумываясь, швырнул пивной сосуд в лениво ухмыляющуюся физиономию Макса. Тот, вскочив, протянул руку, поймал летящую в лицо бутылку и замахнулся. Махнув уже пустой рукой, он заставил агрессора согнуться, чтобы уклониться от снаряда. Другой рукой, поймав за спиной выпущенную из руки бутылку, Макс послал её снизу вверх, угодив прямо в лоб белобрысого. Глухой удар, и тот, с грохотом опрокидывая стул, растянулся на полу.

Остальные четверо, не сговариваясь, кинулись в атаку. Лёха, проворно выскочив из-за стола, прыгнул навстречу и классическим хуком отправил чернявого в нокдаун. Второй, однако, оказался проворнее. Увернувшись от прямого в голову, он пнул опера ногой в колено. Макс, поймав первого за запястье, крутанул «узел наружу» и с силой поддел его челюсть основанием ладони, приведя в состояние стойкого изумления.

Обмякшее тело толчком было отправлено навстречу второму нападавшему, сбив его с шага. Тот, пытаясь удержаться, взмахнул руками. Сцапав за запястье вооружённую ножом руку, Макс безжалостно заломил её к плечу нападавшего. Тот взвыл от боли, клинок «спринг-найфа¹» зазвенел на паркетных плитках. Локоть оперативника с хрустом врезался в переносицу солдата. Оттолкнув от себя падающее тело, Макс прыгнул к здоровяку, который обменивался ударами с его напарником. Пинок под колено и сильный удар кулаком за ухо. В ту же секунду Лёха, не успев понять, что противник уже «обесточен», нанёс ему сокрушительный удар в челюсть.

– Не убили никого? – тяжело дыша, Лёха оглядел поле боя.

– Вроде, нет, – пожал плечами Макс, – ну, что, смываемся?

---

¹ Спринг-наиф (англ. – Spring knife) – пружинный нож.

– Ага, – кивнул Лёха, – только, не слишком быстро.

Хозяин заведения, с христианским смирением поглядывая через стойку на клиентов, которые пока не подавали активных признаков жизни, привычно шлифовал салфеткой бокал. Потратившись однажды на лечение сломанной челюсти, он давно уже не совался в разборки, просто нажимал неприметную кнопку под стойкой, а потом ждал прибытия официальных лиц, более компетентных по части мордобоя. С их же помощью, не без пользы для себя, он потом вытряхивал из задержанных возмещение понесённых убытков.

Оперативники, ещё раз окинув взглядом побоище, вразвалку направились к дверям. Лёха уже взялся за ручку двери, когда та резко распахнулась, едва не засветив ему по лбу.

– Всем оставаться на местах! – провозгласил сухощавый офицер с нашивкой «МР²» на рукаве.

Два здоровых сержанта остановились в дверях, словно олицетворение отданной команды. Конечно, и эту троицу «обесточить» труда не составляло, но как раз этого-то и не требовалось. Темны и запутанны пути в политике и разведке.

...Макс, сидя на железных нарах, задумчиво выпускал изо рта колечки сигаретного дыма.

– Дожился, блин, – изрёк он, наконец. – Небо в клеточку и друзья в полосочку. Ведь говорила мне мама – не ездь, сынок, за океан, ни хрена там хорошего нету.

– Ага, а ты думал, тут мёдом намазано, – саркастически хмыкнул Лёха. – Вот сейчас узнаешь, что такое истинная демократия.

Они оба захохотали, словно ничего смешнее в своей жизни не слышали. К решётке подошёл местный вертухай.

– Кто-нибудь из вас говорит по-английски?

– Ну, я говорю, – лениво откликнулся Макс. – А чего надо?

– Сейчас узнаешь, — ухмыльнулся страж, отмыкая решётку и предусмотрительно отступая в сторону:

– Выходите.

В сопровождении охранника они прошли по длинному, плохо освещённому коридору. Всё, что говорилось в узком кругу о прекрасных условиях в забугорных застенках, оказалось бредом собачьим. Пятна плесени, обшарпанная краска и заплёванные жвачкой полы развеяли в пух и прах всю рекламу об импортных демократических прелестях. Им даже по кружке чая с куском хлеба эти жлобы не дали. Сервис, называется!

– Стой! Лицом к стене! – скомандовал он и распахнул одну из дверей. – Заходи!

– Садитесь! – приветствовал тот самый офицер, что задержал их в баре. – Идите, Дженкинс.

Вертухай, козырнув, вышел.

– Я офицер военной полиции Дональд Рассел. Кто из вас говорит по-английски?

– Я, – отозвался Макс.

– Тогда будешь переводить ему.

– Чего тут непонятного? – пожал плечами Лёха. – Военная полиция. Чего он хочет?

– Скажет, наверное, – безразлично отозвался Макс, кивая «эм-пишнику».

– За нападение на этих морпехов в мирное время вам бы светило пять лет тюрьмы. А сейчас вас проще расстрелять. Переведи.

– Ни хрена себе! А мне в морду бутылку кидать можно? Вот так, за здорово живёшь? Слышь, Лёха, – продолжил он уже по-русски. – Этот вертухай говорит, что мы себе на расстрел накрутили за тех бакланов.

– А как насчёт прав человека и демократии? – поинтересовался Алексей.

---

² МР (эм-пи) Military Police – Военная полиция

- Да хрен они забили на твою демократию. А второй – на права человека.
- Ну, понял. Расстрел. От нас-то что нужно? Может, ему денег отстегнуть?

– Он понял, – обратился к офицеру Макс. – А чего надо? Может, как-нибудь можно договориться?

В глазах дознавателя, можно поклясться, мелькнула смешинка. Ох, сдаётся, что перевод – так, для отвода глаз. Такое впечатление, что всё он понимает. Да, ладно, мы-то простые, как три копейки, пусть себе мудрует. Посмотрим, куда разговор выведет.

- Надо подумать, – прищурил глаз офицер.

– Ну, думай, – согласился Макс и, повернувшись к Лёхе, прокомментировал. – Чапай думать будет.

В это время дверь распахнулась и в неё вошёл... нет, буквально влетел дородный мужик в форме. Судя по тому, как резво вскочил дознаватель, толстый дядька был немалым чином.

Пока он задавал вопросы, а подчинённый отвечал, Макс по-тихому комментировал напарнику ход разговора.

– Толстяк спрашивает: какого хрена мы тут сидим? А вертухай про наши подвиги рассказывает.

В это время начальник громко расхохотался. Он бил себя по коленям, стучал кулаком по столу, в общем, веселился от всей души. В промежутках между приступами веселья он что-то спрашивал.

- Чего это он? – тихо спросил Лёха.

– Ему забавно, – скучным голосом перевёл Макс. – Что два гражданских отмудовали пятерых морпехов. О, а «эм-пишник» отвечает, что нас расстрелять за это надо. А толстяк говорит, что у него вместо головы задница. Тут я согласен.

Он хмыкнул.

– Он ему втолковывает... блин, сплошные маты... что двух таких здоровых лбов... это он про нас... нужно в этот долбанный экспедиционный корпус запихать. Та шушера, которую в этот корпус собрали, ничем не лучше. О, даже ещё хуже, говорит, если эти двое русских пятерых сумели отметелить.

Начальство встало из-за стола и, продолжая похохатывать, вышло. Офицер белоснежным платком отёр лоб.

– Если подпишете контракт на службу в корпус морской пехоты, в подразделение «S7», мы забудем про ваши художества.

Выслушав перевод, Лёха кивнул головой.

- Подпишем, – подтвердил Макс, а что это за «эс-семь»?

– Спецподразделение из иностранных граждан. Входит в экспедиционный корпус.

- Ясно, – кивнул Лёха. – А куды бечь-то? С подводной лодки да в такой шторм?

... —Эй, русские, на выход, покупатель пришёл!

Опять этот вертухай... Макс протёр глаза и толкнул товарища в бочину.

- Вставай, шланг! Начальство пожаловало.

- Опять?! – не открывая глаз, возмущился Лёха. – Да сколько можно?

Макс нацелился всадить пальца напарнику под рёбра, но тот вдруг ловко заблокировал его руку и, одним прыжком оказавшись на ногах, с любопытством уставился на пришедшего по их души. По ту сторону решётки стоял и равнодушно смотрел на них здоровый мужик лет тридцати в форме сержанта морской пехоты.

- Принимай крутых парней, – осклабился охранник.

– У меня таких крутых больше, чем засранных очков в туалете, – едва удостоил его взглядом морпех. – Надуют мышцы в спортзалах, а получают пинка в задницу и плачут, как девочки.

Макс хмыкнул, но промолчал. Охранник покачал головой.

– Вот тут ты промахнулся, старина. Это те самые, которые в баре пятерых из «семёрки» отутюжили.

– Да? – мельком глянул на новобранцев сержант. – Ну, тем лучше. Не сегодня-завтра Коалиция нападёт на нас. Будет спрос на свежее мясо. Пошли, помидорчики, поменяем штанишки и получим рогатки – пулять по птичкам.

На улице их ждал вездеход с той же красно-синей эмблемой и чёрными буквами «MEU³». Повинуясь жесту морпеха, Лёха с Максом уселись на заднее сиденье, и джип рванул с места, как прищипоренная лошадь.

– Запомните, девочки, – повернулся к ним сержант. – Меня зовут сержант Камински. Обращаться ко мне нужно «господин сержант». Понятно?

– Да, господин сержант, – хором ответили новобранцы.

Макс откинулся назад и задремал, а Лёха, разглядывая толстую шею морпеха, прикидывал – сколько времени потребуется, чтобы одолеть этого кабана? Решив про себя, что двух-трёх минут ему бы хватило, он стал смотреть в окно. Выскочив из города, они помчались по прямой, как стрела, узкой асфальтированной дороге.

Километров через двадцать они затормозили – дорогу перегородил шлагбаум, на котором была укреплена та же эмблема. Проверка документов, и шлагбаум, поднявшись вверх, пропустил их, и вездеход помчался дальше. Километров через пять они остановились перед КПП. На воротах красовалась та же, уже набившая оскомину эмблема, на которой ясно выделялись знакомые знаки «S7».

Дежурный, открывая ворота, уставился на Макса с Лёхой глазами, оправленными в роскошный «бланш». Злорадный оскал явственно говорил о том, что новобранцев ждёт впереди много интересного и познавательного. Впрочем, такой вариант событий ими предусматривался. Алексей широко улыбнулся «очкарику» и приветливо помахал ему рукой. Оскалившись в ответ, дежурный только исподтишка показал им «фак».

– Я вижу, вы уже завели себе друзей, ребята, – широко улыбнулся Камински. – Это очень полезно. Особенно на занятиях по рукопашному бою.

– Да, господин сержант, – дружно отозвались опера.

...Казарма с рядом застеленных серыми одеялами коек встретила тишиной, и только вскочивший дневальный на миг умилил новеньких, напомнив собственную армейскую юность.

– Ну, точно, как у нас в «Кантемировке», – заржал Лёха. – Только коечек поменьше было напихано и замков на тумбочках не было.

Макс с интересом разглядывал увесистого «сторожа» на хлипкой дверце.

– Видать, мальчики здесь ушлые, если такого «барбоса» навесили, того и гляди, подштанники на ходу сопрут, – с ухмылкой констатировал Макс.

– Так, у них, думаю, морду бить за это не принято, вот и прут всё, что не приколочено, – Лёха словно не замечал испуганного взгляда дневального и наливавшегося краской от их беспардонной наглости сержанта.

– Эй, служивый, где тут наши коечки будут? – с нарочитой неловкостью повернулся Макс, и кулак сержанта, просвистев мимо его уха, впечатался в хлипкую перегородку, отчего та заходила ходуном.

Макс, сделав испуганные глаза, вытянулся по стойке «смирно». Рядом, подобрав живот, преданно пялился на сержанта Лёха. Второй удар под дых Макс умело пригасил мышцами, но, скорчив страдальчески рожу, согнулся в три погибели для морального удовлетворения начальства. Сработало. Сопя, тот поднёс кулак ему под нос.

– Ещё раз вякнешь ублюдок, будешь мать проклинять, что на свет родила!

---

³ MEU (Marine Expeditionary Unit) – Экспедиционный полк морской пехоты США

– Есть, сержант!

Побледневший дневальный, сопровождал Камински до двери, вернулся и показал им свободные койки. Макс, раскладывая вещи, ненавязчиво выпотрошил его на интересующиеся темы и повернулся к развалившемуся на своей койке Лёхе.

– Дневальный говорит, что здесь Эдгар верх держит, которому мы в баре по чавке наступали. Злопамятный, говорит. И сержанту на остальных стучит, как швейная машинка «Зингер».

– Нашёл проблему, – зевнул напарник. – Видали мы лилипутов и покрупнее. Рупь за сто, что он нам сегодня мялку попытается устроить!

– А чего спорить, это и ёжику понятно. Давай придавим немного, а то, чую, поспать нам сегодня не дадут.

...Поспать действительно не дали. Отдохнули всего ничего, минут пятнадцать от силы.

– Макс, Лекс! – выкрикнул дневальный. – Сержант Камински приказал вам срочно при-
быть на склад.

– Чего орёшь? – разлепив глаза, отозвался Макс. – На какой склад?

– Здание напротив, получить обмундирование и оружие. Поторопитесь, парни, наш сержант ждать не любит.

Когда они вошли в полутёмное здание склада, их ждал Камински с ещё одним сержантом, таким же крепким мужиком со шрамом во всю щёку.

– Шевелитесь, салаги, – похохатывая, прикрикнул на них второй сержант. – Снимайте свои тряпки! Быстрее! Не жмитесь, как целки, нас с Камински, ваши задницы не интересуют.

Свёрнутые пятнистые «комки» и тяжёлые ботинки, брошенные сильной рукой, были ловко пойманы новобранцами. Через три минуты они уже были полностью обмундированы.

– Пошли, – махнул рукой Камински.

Пройдя в другой конец склада, он отомкнул большой железный шкаф и, достав излучатель, бросил его в руки Максу.

– Ну-ка, сынок, объясни старому солдату, что это за хрень.

– Импульсный излучатель «Штерн-Лехельт», стоамперный, на семьсот двадцать пять герц, армейский вариант.

Отвернув ствол влево-вверх, Макс отщёлкнул щёчку слева и нажал незаметный сенсор.

– Зарядка восемьдесят процентов, «Штерн» готов к работе.

Камински, одобрительно хмыкнув, бросил такой же Лёхе. Убедившись, что второй новобранец тоже знает – за какой конец оружия нужно держаться, он замкнул шкаф.

– Пошли.

Они втроём вернулись в казарму, где, под чутким руководством сержанта, поставили излучатели в ружпарк. В это время с улицы стали заходить другие морпехи. Ставя оружие в пирамиду, они с любопытством оглядывали стоящих возле Камински новичков. О, а вот и знакомые лица. Глазами зыркают, словно сожрать хотят. Обиделись, что ли?

– Час на отдых и в спортзал, – скомандовал сержант и величественно удалился.

Бодрой трусцой они бежали вместе со всеми в спортзал, по ходу подмечая косые взгляды. Ну, да, вся тёплая компашка из бара в полном составе. А не хило они их расписали! Вот это, видимо, и есть пресловутый Эдгар. М-да, Макс, явно, был в ударе. Как оно ему ровненько на оба глаза-то легло. А на этом чернявом Лёха отметился. Нос на боку, ишь, как глаза с опухшей рожи злобно зыркают. Ведь не выдержат, ей-Богу! Непременно на рожон полезут. Ага, белобрысый «очкарик» паре «качков» сигнал подал и на них косяка даванул.

– Смотри, Макс, твой «крестничек» тем боровкам подмигивает.

– Ага, нас сейчас бить будут, – хмыкнул тот. – О-о-ч-ч-е-нь бо-оль-н-н-о-о.

В небольшом тамбуре перед входом в зал «качки» притормозили и, словно по-нечаянности, загородили широкими спинами вход, пропуская остальных. Опера тоже не торопились, дожидаясь, пока зайдут остальные.

– Не спеши, малыш, – один из «амбалов» шагнул навстречу и тяжело посмотрел на Лёху.

Тот, дурашливо улыбаясь, развёл в стороны открытые ладони. «Качок» сжал кулак правой руки и стал поднимать его к плечу, намереваясь расплющить эту наглую улыбку. Лёха, резко нырнув вниз, всадил ему кулак прямо в правое подреберье. Тяжко охнув, верзила стал сползать по стене. Второй бугай, опомнившись, бросился на Макса. Резко крутанувшись вокруг себя, тот пропустил «торпеду» мимо и, с разворота, рубанул его в основание черепа. Хрюкнув, нападавший упал ничком. «Контрольный» удар ногой в бок окончательно отбил у здоровяка желание встать. Он согнулся и его вырвало желчью. Напавший на Лёху лежал, равнодушно глядя в потолок.

Опера вошли в спортзал практически вместе со всеми. А в тамбуре, перед захлопнувшейся дверью, «торпеды», тяжело ворочаясь, начинали приходить в себя. Пресловутый Эдгар со товарищи, стоя в строю, недоумённо глазели на дверь. Сержант Камински, встав перед строем, начал перекличку.

– Бойко! – выкрикнул он.

Никто не отзывался.

– Где этот увалень? И брата его я тоже не вижу. В чём дело?!

Звук, донёсшийся из тамбура, заставил его насторожиться и подойти к двери. Сержант резко распахнул створку и минуту спустя на пинках закинул пострадавших внутрь. В строю наступила напряжённая тишина. Бледнолицые братья в этот раз были особенно бледнолицыми. Сцапав одного из них, Камински придал ему сидячее положение.

– Кто из них? – рявкнул он.

Мутный взгляд пополз по строю. Наткнулся на ухмылявшиеся лица русских и его явственно передёрнуло. Видимо, просчитав для себя последующие «варианты», он сиплым голосом выдал:

– Их здесь нет.

Камински обвёл строй тяжёлым взглядом, чуть придержав его на продувной Лёхиной роже.

– Узнаю, сральни чистить заставлю! Направо! Бегом марш!

Гонял он их душевно, со знанием дела. Силовая гимнастика, работа на тренажёрах.

– Неудивительно, что они тут такие «надутые», – пропыхтел Макс. – Прямо, как ты.

– Глистов выведи, доходяга, – огрызнулся Лёха, отжимая штангу. – Такой же станешь.

– У меня глисты не выживают. Они водку не любят. В отличие от меня.

– Прекратить разговоры! – рявкнул Камински. – Работать, недоноски!

Последний час занятий они старательно бросали друг друга через бедро. Заметив, с какой скучной грацией исполняют приём новички, сержант громко хлопнул в ладоши.

– Встать в круг!

Когда все расселись поближе к стенам, он прошёлся по лицам внимательным взглядом.

– Ты! – он указал на белобрысого Эдгара.

– И ты! – палец ткнул в Лёху. – Поединок боевой, разрешены все приёмы.

Блондин, резко вскочив, пружинисто пошёл по кругу. Лёха, лениво поднявшись, стоял, чуть присев, и внимательно следил за передвижениями противника. Его отсутствующий взгляд нервировал Эдгара, провоцируя на непродуманные поступки.

– Что, русский, в штаны наложил? – оскалился он.

– А что, проголодался? – хмыкнул Лёха.

Эдгар прыгнул вперёд, и они закружились, нанося друг другу удары. Всерьёз никто не напрягался, шло интенсивное прощупывание друг друга. Камински, прищурясь, наблюдал

за ходом поединка. Ему, опытному бойцу, было хорошо видно, что русский попросту играет с блондином, как кошка с мышью. А тот, чувствуя, что все его удары либо не достигают цели, либо проходят по касательной, постепенно начинал звереть. Немало тому способствовала Лёхина презрительная ухмылка.

Наконец, терпение Эдгара лопнуло. Сделав пару ложных финтов, он бросился вперёд, пытаясь «пробить» противника таранным ударом в грудь. Того, что произошло дальше, он не ожидал. Как и все прочие, находящиеся в зале. Алексей чуть отстранился, пропуская удар по касательной. Левая его рука, скользя поверху, прижала руку Эдгара к своему боку. Он резко присел и правой рукой, намертво стиснув кисть, выкрутил её наружу. В следующую секунду белобрысый лежал на животе, а Лёха, стоя над ним, держал его руку в жёстком захвате.

– Добить? – занеся кулак над головой противника, взглядом поинтересовался Алексей у сержанта.

– Всё. Брэк. Поединок окончен.

– Есть, господин сержант, – отпустив руку Эдгара, он шагнул назад и присел рядом с Максом.

...После отбоя, когда дневальный посапывал, уронив голову на столик, по проходу меж коек возникло несколько теней. Неслышно продвигаясь под храп, бормотание и стоны утомленных людей, они направились в угол казармы, где сегодня обустроились новенькие. Чуть слышно звякнул висящий на тумбочке замок. В темноте едва различались две фигуры, лежавшие под одеялами.

– Смотри, Алёха, эти недоноски, нам «тёмную» решили устроить, – насмешливо прозвучал в тишине голос Макса.

Ответом были тихо удаляющиеся шаги. Последним, осознав, что остался в полном одиночестве, спешно свалил Эдгар.

Глава 2. Как захомутать лоцмана в XXII веке?

– Расскажи, Нарад, о происхождении народа ариев, – Ведающий Историю Каждан, худой желчный старик, поднял голову и поглядел на экзаменуемого отрока.

– После победы Богов над Титанами они ушли в страну Арктиду, где основали свою цивилизацию. По роду арии произошли от браков Титанов с местными женщинами. Когда, в результате войны с атлантами, Арктида погибла, Титаны увели ариев и представителей других народов через Храм Странствий в наш мир.

– А что случилось дальше?

– Это ведают только Мудрые.

Старик улыбнулся, гордый за своего ученика.

– Продолжай, Нарад.

– Основы «Правды Глубокого Космоса»...

...Если кто-то думает, что в первой половине двадцать второго века отроки меньше «мандражат» перед последним испытанием, значит, он мечтатель и неисправимый романтик. В широком коридоре Высшей Космической Даршаны⁴ будущие космические волки из всех сил пытались «надышаться перед смертью». Будущие лоцманы, стратеги и прочие узкие специалисты переживали каждый на свой лад.

Кто-то паялся в «записушку». Иные, возведя очи горе, пытались вспомнить то, чего сроду и не знали. Несколько человек, стоя у высокого стрельчатого окна, волновались не менее других, хотя и были внешне невозмутимы, как Старейшины на Высшем Совете.

Дверь зала открылась, и в коридор, вытирая со лба испарину, быстро вышел рослый парень. Притворив за собой дверь, он оглянулся.

– Нарад! – окликнул его от дальнего окна крепкий юноша с лицом характерного восточного типа. – Иди сюда!

– Нарад, как? – схватил его за рукав Бореан, худощавый смуглый студент.

Неуспевающих в Даршане не могло быть по определению, но этот постоянно балансировал на грани отчисления. Талантлив был, собака, потому и прощалось ему многое. Но и ленив – это что-то!

– Вроде, нормально, – пожал плечами Нарад и направился к тому, который его окликнул.

– Привет, Акара! – он пожал протянутую руку и устроился рядом, прислонившись к массивному подоконнику.

– Как? – задал дежурный вопрос его вечный друг и соперник.

– Да нормально, – снова пожал плечами тот.

– Что попало?

– Основы «Правды Глубокого Космоса».

– И как?

– Да, нормально, – досадливо поморщился Нарад. – Зря, что ли, пять лет эти премудрости долбили?

– Тоже верно. К Последнему Испытанию готов? – как бы между прочим поинтересовался Акара.

– Сам-то как думаешь?

Да, именно к Последнему и именно к Испытанию. Вот только так – с заглавной буквы. Смертность на этом испытании была установлена в три раза выше, чем на обычных. Потому

---

⁴ Даршана (санскрит) – школа.

перед Последним Испытанием отроки подписывали отказ от каких бы то ни было претензий к родной Даршане.

Гибли, конечно, крайне редко. Последняя смерть случилась лет тридцать назад. Ходили ещё слухи о некоторых особых способах проверки, таких, например, как «Кот в мешке», но однозначно на этот вопрос никто из Ведающих им не ответил. Не то, что бы они это не подтверждали, но и не отрицали. Так что, каждому поколению выпускников было, над чем голову поломать.

– Ладно, я пошёл, – Акара, хлопнув по протянутой ладони, решительно направился к аудитории.

Едва за другом закрылась дверь, Нарад бросился к лестнице. Лаодика, помощница Главы Даршаны, была предметом воздыхания всей сильной половины. И было отчего. Глаза-озёра прятались под пушистыми ресницами, соболиные брови вразлёт, словно крылья птицы, мягкий овал лица и точёная фигурка. Тонкие пальчики теребят кончик богатой косищи, да ещё и умом не обижена. Зрелые мужи при виде её молодцевато подтягивались, поглаживая усы и бороды. Каждому было любо на такую красоту хотя бы глянуть. Но вчера она однозначно дала понять, что намерена провести этот вечер с ним.

Слетев по лестнице, Нарад осторожно приоткрыл дверь гостевой и нос к носу столкнулся с предметом своего вожеления. Лаодика, ойкнув, отпрыгнула назад.

– Ой! Нарад, ты что, с ума сошёл? Напугал..., – она непроизвольно оглянулась на дверь Главы. – Он меня как раз за тобой послал.

– Зачем? – удивился влюблённый.

– Не знаю, – пожала плечиками девушка.

Лаодика снова оглянулась на тяжёлую дверь.

– К нему, – она перешла на шёпот, – архистратиг из Службы Космического Порубежья приехал. Ты что, прошение к ним подавал?

– Солнышко, – ласково сказал Нарад. – Если бы я подавал какое-то прошение, ты бы об этом знала самая первая.

– Вообще-то, да. Все ваши грамотки через меня идут, – кивнула красавица.

– Лаодика, – ожил коммуникатор. – Отрок Нарад прибыл?

– Да, архистратиг, – подскочив к столу, отозвалась она.

– Пусть войдёт.

– Поняла. Давай, заходи!

– Вечером – как договорились? – обернулся у дверей Нарад.

– Ну, конечно, – округлила она глаза. – Да иди же!

Открыв тяжёлую резную дверь, он вошёл в кабинет. Свет солнца врывался в распахнутое окно и медовым цветом растекался от выласканных руками мастеров деревянных шкафов и полок. В тяжёлой резной раме — портрет отца-основателя Даршаны. За столом, рядом с Главой, сидел улыбчивый пожилой мужчина. Такие добрые лица бывают у зубных врачей, тайной стражи и податных служащих – словом, у всех тех, от кого добра не жди.

Телом порубежник был крепок и, при кажущейся неспешности скупых движений, в нём чувствовалась грация и скрытая мощь хищного зверя. Цепкий взгляд не упускал никакой мелочи и к панибратству не располагал. Не дай Род встретиться с таким в поединке!

– Присаживайся, Нарад, – Глава Даршаны поднялся со своего места и, подойдя, дружески положил ему руку на плечо. – Это Один, архистратиг Особой Дружины из Космической Службы Порубежья. Побеседуйте, а я пока по делам отлучусь.

Когда за ним закрылась дверь, Нарад приземлился на ближайший стул, решив про себя, что порубежники на нём руки не погреть – будет «тупить» до последнего. Ничего у них не выйдет. Не для того он тут столько времени гранит грыз.

– Я полагаю, – улыбнулся порубежник, – не стоит ходить вокруг да около. Наша Служба отобрала несколько кандидатур. Как ты понимаешь, в том числе и тебя. Что скажешь?

– Уважаемый, Один, это очень ответственное решение, – задумчиво проговорил Нарад. – И главное – очень неожиданное. Я никогда не планировал служить в порубежье, как ты понимаешь. Это требует всестороннего размышления....

– Ну, конечно же, конечно, – расплылся в улыбке Один. – Это же очевидно. Пока по чашечке сбитня выпьем, ты и подумай.

Пока отрок приходил в себя, он наклонился к селектору.

– Лаодика, можно пару сбитня?

– Нет, уважаемый Один, ты меня неправильно понял. Это же очень важный шаг! Я не могу так быстро!

– Нашим порубежникам часто приходится принимать и более важные решения, – невозмутимо парировал тот. – И в гораздо более короткие сроки, кстати.

– Но я-то, не порубежник, – запротестовал Нарад. – И неизвестно ещё, подойду ли я вам.

– Ну, это-то как раз известно. По мнению наших аналитиков, уровень твоей пригодности выше среднестатистического.

– Да не гожусь я в порубежники! – в отчаянии вскричал он, – У меня приводы в Стражу были! Я сам законопреступник. За кражу у соседа.

– Зелёных яблок? – усмехнулся собеседник. – Да не волнуйся ты так, право слово. Знаем мы про эти правонарушения! Даже, как за те яблоки дед твой Велемудр, тебя плетью сыромятной от души охаживал. И про драку с отроками из Военно-Космической Даршаны, где вы вдвоём пятерых супротивников отделали. И подделка электронной подписи на отпускных «пластиках» — выше всяческих похвал, сам Ведающий засомневался, было, да вовремя напомнили, что он в отлучке тогда был. Ты, надо сказать, очень одарённая натура.

– Ну, и зачем Вам такое сокровище? – угрюмо поинтересовался Нарад.

– Да всё очень просто, – пожал плечами Один. – Ведь то, о чём мы сейчас говорили, это только набор качеств, не более того. Смелость, решительность, умение находить выход в трудных ситуациях. Ну, как меч – он бывает острым или тупым, ржавым или блестящим, из хорошей стали или из плохой.... Понятно? Злым или добрым, он быть не может по определению – всё зависит от того, чья рука его держит.

– То есть... – медленно произнёс Нарад, – Ты хочешь сказать, что я в ваших руках? А если откажусь....

– Да ну, что ты, право слово, – разочарованно протянул архистратиг, отводя от него лукаво-задумчивый взгляд. – Прямо-таки чудовищ каких-то из нас делаешь. Да никто с твоей грамотки пыль сдувать не станет. Лежит себе на полочке, есть-пить не просит. Вот, и пускай себе дальше пылью зарастает. И пытки давно запрещены Основами Правды. Вас нынче даже розгами за нерадивость не пользуют, а просто отчисляют. А было время, практиковалось такое массирование седалищной части – для стимулирования мозговой деятельности. Не хочешь – не надо. Точно не хочешь?

– Точно, – буркнул Нарад.

– Ну и ладно, – пожал плечами Один. – На нет и суда нет.

– Суда?

– Шучу. Это шутка.

– А-а... значит, я могу идти?

– Да, конечно. Всего доброго тебе. Желаю успешно сдать Последнее Испытание.

Что-то такое послышалось Нараду в его последних словах.... Но на его взгляд порубежник ответил ясным и безмятежным взором.

– Ну, что? – откинув за спину длинную косицу, подскочила к нему Лаодика.

– Предлагали стать порубежником, – хмуро отозвался Нарад.

– А ты?

– Ага. Делать мне больше нечего, – отмахнулся он. – Всю жизнь мечтал в грамотках копать и в Ближнем Космосе болтаться. Да ну их. Ну, ты не передумала? Вечером идём в «Утайю»?

– А? Да, да, идём, конечно.

Дверь кабинета открылась и оттуда упругой походкой вышел архистратиг Один.

– До свидания, молодые люди.

Когда за ним закрылась дверь, девушка серьёзно поглядела на приятеля.

– А ты уверен, что правильно всё сделал?

– Я уверен только в том, что не хочу служить в порубежье, – упрямо набычился Нарад.

– Ну, не хочешь, так не хочешь, – она ласково потрепала его по коротко стриженной макушке. – Значит, в семь вечера в «Утайе».

Выйдя из здания Даршаны, Нарад, оседлав свою «стрелу», взвился в воздух. На Арктиде не строили домов выше второго-третьего этажа. Заложить привычный вираж пришлось только вокруг старинного храма Меру — ровесника их цивилизации. По преданию, их далёкие предки пришли в этот мир, ведомые Мудрыми, или, как их тогда называли, Титанами. Потом человечество чем-то огорчило Мудрых, и они покинули этот мир. Но сохранилось предсказание, что когда-нибудь они вернутся, и Храм Странствий по Мирам оживёт.

Перед Меру стояла древняя статуя, изображающая трёх слонов, держащих на спинах трёхступенчатую пирамиду. Статуя была возведена ещё при Мудрых. На каждой ступени снизу вверх были выбиты три Закона Пространства, которые знал каждый ребёнок:

«Множащиеся альтернативы создают пространство»

«Глубины соприкасаются»

«Глубину самого Соприкосновения диктует Мера Любви»

... – Мама! – крикнул Нарад и прислушался. – Ты дома?

– А на индикатор тебе глянуть было лень? А если бы я спала? – Мама, одетая в лёгкую душегрейку и просторную юбку, вышла из большой горницы ему навстречу.

– Да, я забываю про него, – честно признался сын, понутив «буйную головушку».

– Лоботряс, – она ласково ткнула его кулаком в лоб.

Индикаторы прижились в жилых помещениях уже давно. Собственно говоря, они были разработаны для руководителей крупных предприятий. Чтобы полностью контролировать свои владения. Со временем устройство стало настолько обыденным, что его начали ставить и в дома. Впрочем, систему «Разумный Дом» принимали далеко не все. Немало было приверженцев старинной теории, что «Терем мой яко же острог». Поговорка была древнейшей, едва ли не со времён Великого Исхода, но как-то слабо в это верилось. Слишком уж давно это было.

– Отец дома?

– Дома. Тоже недавно появился. В столовой. Иди руки мой.

Когда Нарад, переодевшись и умывшись, вошёл в столовую, отец уже пил сбитень.

– Есть будешь? – мать коснулась сенсоров кухонного комбайна, на панели высветилось меню. – Тебе обыденку или чего-нибудь вкусненькое?

– Без разницы, – мотнул он головой. – Привет, пап. Как дела?

– Дела, дела..., – задумчиво протянул отец. – Понимаете, ребята, ко мне сегодня парня доставили... очень странный, понимаете, случай.

– Да у тебя ведь все случаи странные, – резонно возразила мама.

Что правда, то правда. Экстра-лекарю Борею нормальных больных не доставляли. По той простой причине, что он был Главой Центра Испытательной Медицины. Когда все врачи Арктиды начинали чесать в затылке, больного доставляли в ЦИМ. Если успевали, конечно.

– В общем, ребята, я вам хочу это рассказать. Во-первых, в космосе творится что-то нехорошее. А Нарадка туда не сегодня-завтра отправится. Да и ты, Любава ....

Он не договорил. Мама спокойно кивнула.

– Ну, да, конечно. Планетарные переводчики у нас всегда в первых рядах.

Отец нахмурился.

– Ты, между прочим, напрасно иронизируешь. Вас порой куда только не суют. Ко мне доставили парня. Сняли его с мёртвой виманы. Не нашей, прошу заметить, откуда-то из Дальнего Космоса. Случай, как бы, обыденный. Дружина покинула судно, воевода остался.

– И в чём странность? – не выдержал Нарад.

– Странность в том, что воеводой был представитель древней расы. Тёмной расы, судя по цвету кожи. Только рост как у нас. Ну, плюс мелкие антропологические особенности, но это, по большому счёту, неважно.

– Но ведь древние расы не выходят в космос, – удивилась мама. – Никогда не выходят, это их собственный Закон. А уж как они свой Закон соблюдают, не мне вам рассказывать.

Глава ЦИМа усмехнулся.

– А теперь самое интересное – парень этот почти не отличается от перворождённых. Кроме, разве, роста. Сажень без чети, но кожа чёрная, как сажа! При полном исследовании выяснилось, что генетически это человек. Более того, его геном почти полностью совпадает с нашим. Фактически он такой же арий, как и мы с вами.

– Чёрный – и арий?! – опешил Нарад. – Бред какой-то!

Да, тут было, над чем поразмыслить. Шёл триста двадцать второй год третьей эпохи Водолея. По расчётам учёных, изучавших древние летописи, их цивилизация существует третье тысячелетие.

Древние Расы, конечно, не то и древние. Сколько живут на этой планете они, вообще ведомо, разве что, Мудрым. Только у них есть доступ к древним табличкам с рунами. Запрятанные за семью печатями от праздных глаз в тайных комнатах их Храма, руны эти хранят тайну бытия. И стража при них состоит такая, что и в темноте видят как днём, и слух у них — что у летучей мыши, а силы и ловкости они неимоверной. Обычные воины им и в подмётки не годились, и простым смертным в тот Храм вход заказан. Но древний в космосе, который и не древний вовсе.... Полная бредятина!

Когда люди стали заселять этот Мир, выяснилось, что обитатели здесь уже есть. Среди них были и очень похожие на людей. Были древние высокого роста, бледнокожие и светловолосые, были маленькие, не выше метра, жившие преимущественно в подземных норах, и многие другие. Всякое бывало, но со временем, научились как-то существовать, не мешая друг другу. Некоторые существа просто вымерли. Такие как аспиды, например.

– А ошибки быть не может? – с надеждой спросил Нарад.

– Нет, — покачал головой отец. – Мы же его потом на запчасти разобрали.

Он тяжело вздохнул.

– Он, скорее, человек. Ну, или точнее, мутант. Это, конечно, сугубо моё мнение. На мой взгляд, родился он человеком. Может, воздействие космического излучения?..

Однако вид его ясно говорил, что он и сам в это не верит.

...Ястная⁵ «Утайя» был один из тех немногих мест, куда пускали не всех. Скорее, это было что-то вроде клуба – для тех, кто имел непосредственное отношение к космосу. Традиции, установленные чуть ли не с момента Исхода, свято соблюдались всеми – от зелёного отрока до убелённого сединами архистратига. Белые льняные скатерти, литая серебряная посуда, фарфор и хрусталь – всё это придавало заведению неповторимую атмосферу. За два

---

⁵ Ястная – от слова ясти – есть, яство – еда. Кафе, столовая, ресторан.

прошедших тысячелетия люди так и не нашли ничего удобней нержавеющей стали и армированного стекла. Удобней – да!

Но расстелить на коленях накрахмаленную льняную салфетку, серебряным ножом ткнуть в кусок мяса, поджаренный на живом огне, а не на токах высокой частоты, а главное – ощущать себя не только избранным, но и равным среди равных! В общем, Нарад в эту минуту был по-настоящему счастлив. А сидевшая рядом Лаодика, на которую обращала внимание вся мужская часть присутствующих, была последним штрихом – счастливее быть уже просто невозможно.

– А Акара с Ладой будут?

– А? – спустился с небес Нарад. – Обещали. У неё сегодня утром тоже какой-то экзамен должен быть. Если завалит – выпьет Акаре всю кровь. Какая уж тут «Утайя»!

– Это Лада-то завалит? – вступилась за подругу девушка. – Да она даже не знает – что это такое. Кстати, а куда ты распределяться собираешься?

– Надо ещё Последнее Испытание пройти, – уклончиво отозвался Нарад.

– А что, боишься, что не пройдёшь? – поддразнила она парня.

– Я? Боюсь?! – возмутился он, выпятив грудь. – Дикие звери разбегаются, когда я вступаю в лес с гордо поднятой головой!

Он взял графинчик с наливкой и плеснул Лаодике и себе.

– Выпьем за космических волков!

– Куда ты мне столько набуровил? – недовольно поморщилась подруга. – Ладно, за волков, так за волков. Так на что ты нацелился? На Глубокий Космос, конечно?

– А чем плох Глубокий Космос? – пожал он плечами.

– Ага! Ты, значит, рвёшься покорять неизведанные дали. А я, как соломенная вдова, сиди и проливай слёзы.... Да ладно, не хмурь брови, шучу. О, а вон Акара с Ладкой.

Она махнула рукой, привлекая их внимание. Молодые люди, заметив их знаки, уже пробирались между танцующими парами.

– Ну, какие новости? – поинтересовалась высокая русоволосая Лада.

Она хорошо знала, что красива той, истинно арийской красотой, какую можно увидеть на древних настенных росписях.

Они пили мёд, танцевали. Нарад, увлечённый разговором с девушкой, не заметил, что именно произошло меж Акарой и Ладой. Скорее всего, Акара попросту не выдержал атаки взглядов, направленных на его подругу, и сделал ей замечание.

Что в таких случаях бывает — известно многим. Развернувшись, девушка подошла к столу, словно не замечая отчаянных попыток парня загладить не ко времени вылетевшие слова. Лицо её, утратив беззаботную радость, стало замкнутым и холодным. Лаодика, мгновенно оценив ситуацию, встала из-за стола и, ласково коснувшись пальчиками щеки Нарада, словно извиняясь за испорченный вечер, пошла с ней на выход. Сокрушённо стукнув кулаком в край столика, Акара плюхнулся на кресло и налил себе мёда.

– Всё, как всегда. Ну, не могу я спокойно смотреть, когда на неё глаза пялят. Скажу, так она же и обижается. Ну, неужели она не понимает?

– А мне, наоборот, нравится, что на Лаодику смотрят. Невольно горжусь, что такая девушка выбрала именно меня. А это, знаешь, дорогого стоит.

– И что мне теперь делать?

– Да ничего. Просто не лезь со своим мнением в её жизнь, пока тебя не спросят. Помирись, не в первый раз, – пожал плечами Нарад.

Ему совершенно неинтересно было слушать полные ревности речи друга, да и не первый раз такое случалось. Обиднее всего, что он сам, возлагавший столько надежд на этот вечер, оказался, по милости Акары, и не у дел, и без подруги.

– Выпьем мёду за твои слова! – Толкнул его в плечо друг и неловко смахнул со стола ложку.

Серебряный предмет, блеснув в луче света, щучкой соскользнул со стола и нырнул к ногам Нарада, который нагнулся её поднять. Край стола закрыл от него друга, и он не увидел, как Акара бросил в его кубок с мёдом маленькую серую крупинку. Никто не обратил на это внимания, кому какое дело до отдыхающих за соседним столиком?..

Секунду спустя, когда злосчастная ложка была поднята и возложена на скатерть, друг уже протягивал ему его кубок. Они дружно выпили и с волчьим аппетитом накупились на почти не тронутые заедки. Минут через десять Нарад «поплыл».

– Эк тебя развезло! Как только умудрился? – выговаривал Акара, подхватывая сползавшего со стула друга.

– Худо мне, воздуха не хватает, – бормотал Нарад, еле передвигая подгибавшиеся ноги. – Я и выпил-то всего ничего....

К ним важно подошёл старший стольник.

– Нужна подмога?

Акара отмахнулся.

– Исполать тебе, нам рядом. Сами доберёмся. Это друга развезло, а я совершенно твёрдый.

Выйдя на улицу, Акара призывно махнул рукой и стоящая в тени дерева вимана подплыла к ним неслышной тенью. Затолкав в неё полубесчувственного друга, он взял из рук возницы блеснувшую в свете фонаря золотую карточку, сунул её в карман форменной куртки и тяжело вздохнув, пошёл прочь, нисколько не заботясь о дальнейшем.

Глава 3. Бегство в никуда

...Сегодня им впервые дали увольнительную, и заправщик, за пачку сигарет, согласился подбросить их на своём мастодонте до города. Пялились с наклеенных картинок длинноногие блондинки с грудью, насмерть поражающей воображение, орал в динамиках какой-то рок-звездок. Водила, пребывая в полном кайфе, отбивал рукой такт по баранке. Лёха с Максом не лезли к нему с пустой болтовнёй, а попросту дремали, помня, что «про запас» спать не вредно. При тормозив у супермаркета, водитель высадил их, и взревевшая машина рванула дальше, оглашая музыкой окрестности.

– Куда идём? – поинтересовался Макс, ткнув локтем в бок Лёху, который уже весело перемигивался с молоденькой продавщицей за огромным стеклом аптеки.

– Как это, куда? – обернулся тот. – Нам было настоятельно рекомендовано посетить здешний рынок для фермеров. Видать, резидент нас встретит в облике ковбоя, пригнавшего скот на продажу.

– Ну, да! А я, было, убогий, подумал, что он под видом быка или лошади туда внедрился, – хмыкнул Макс.

Подкусывая друг друга, они подались в назначенное для встречи место, лениво разглядывая полинявшие на солнце улицы провинциального городка. Ничего необычного, говоря откровенно, он собой не представлял. Глухая провинция везде одинаково уныла. Населения кот наплакал, а может, просто подались в более спокойные места, подальше от безвластия на ничейной пока земле. Людишки, они тоже не дураки и хорошо понимают, что вот-вот грянут военные разборки. Тогда, никому мало не покажется.

На самой окраине они увидели несколько фургонов для перевозки скота, что приткнулись недалеко от салуна, стилизованного под времена Дикого Запада. Раскинувшиеся шатры над рядами с товарами фермеров хлопали от налетевшего ветерка. В полупустых загонах для скота царили запахи навоза и скопище мух. Дальше расстиралось некое подобие степи со скудно разбросанной растительностью, да ещё ветер, закручивающий в воронки мелкий мусор. Скуотища полнейшая.

– Тут народу, что в бабкиной деревне в сенокосную пору, – хмыкнул Макс. – А хорошо бы сейчас искупнуться да в стогу повалиться.

– Если только на пару с тёлкой, – согласился Лёха. – Но у меня в этом плане печальный опыт. Как-то раз весь исколосся. Я предпочитаю с удобствами.

– Трепло, – безнадёжно махнул рукой Макс.

Они медленно бродили среди прилавков, разглядывая выставленные товары: от сёдел и сбруи до гвоздей с подковами. Напарники купили у бойкой девахи в «стэтсоне» по заливной кетчупом сосиске в булке с кунжутом. С аппетитом поглощая вечные «хот-доги», Макс и Лёха приостановились возле индейского шамана, который гадал желающим на бобовых зёрнах и перьях, с интересом наблюдая за процессом.

Этот горбоносый, одетый в замшевые штаны и кожаную безрукавку старик производил странное впечатление. При всей кажущейся худобе опытный в таких вещах человек мог отметить неброскую грацию хищника и выверенную динамику в его скупых движениях. Треугольные уши с чуть заострёнными кончиками придавали его лицу что-то хищное. Он с загадочным видом махал перед носом клиента каким-то дымящимся пучком трав. Полынным, судя по запаху.

Сидевший перед ним молодой парень с простецкой физиономией, видимо, сын приехавшего по делам фермера, поднялся, озадаченно почёсывая макушку, и подался к одному из фургонов.

– Ну, в точности, Ванька из глубинки! – прошипел Лёха. — Репу чешет совсем по-нашенски.

Увидев приглашающий жест индейца, Макс отрицательно помотал головой. Из-под полуопущенных век на краткий миг сверкнул острый, далеко не старческий взгляд.

– Если пожилой индеец предложил вам немного погадать, не стоит обижать его отказом и жалеть пару монет, – на чистейшем русском укорил тот. – Садитесь, поговорим. Триста сорок семь человек гадали у меня в этом месяце и, поверьте, все ушли довольными.

Опера переглянулись. «Триста сорок семь» было паролем, по которому они должны были узнать резидента. Однако!

– Называйте меня дядя Стив. Садитесь напротив и делайте вид, что развесили уши, – спокойно приказал резидент.

Когда оперативники уселись перед шаманом, им даже не пришлось слишком напрягаться, чтобы изображать изумление. За годы службы им всякое пришлось повидать, но резидент в облике индейского шамана – это уже чистый Голливуд. Лёха для полноты картины бросил в расписанную узорами чашку монеты.

– Значит, так, – спокойно продолжал индеец, с важным видом раскладывая на открытых ладонях Алексея бобы и петушиные перья. – Средства связи возьмёте в камере хранения вокзала, ячейка 875, код Y-147. Завтра силы Коалиции перейдут в наступление. Будьте к этому готовы. Подразделение «S7», по мнению аналитиков, могут использовать как заслон. Кое-кто из них, аналитиков, я имею в виду, выражает обеспокоенность тем, что неподалёку находится законсервированный космодром Ванденберг. Правда, вероятность его использования не слишком высока, не более 32%, но всё-таки имейте это в виду. Есть вопросы?

– А хрен ли спрашивать? – пожал плечами неугомонный Макс. – Вероятность есть, а средства дальней связи где? Мне, если что, из другой галактики флажковой азбукой передавать прикажешь или костры разводить?

– Возможно, передадут, – безмятежно ответил резидент. – На крайний случай запомните пароль: «Вам привет от Монтесумы».

Лёха громко и невежливо фыркнул.

– А про славянский шкаф там ничего не было?

– Хорошенькое дело, – скорчил рожу Макс. – Кто у вас там боевиков насмотрелся?

– Зато, уж точно, ни с кем не спутаете.

Они поднялись готовые уйти, но индеец неожиданно поймал Лёху за руку.

– Ты забыл, что заплатил мне за гадание. Я эти деньги отработал по-честному. Сказать, что тебе выпало?

– А почему бы и нет? – заинтересовался тот, отмахиваясь от Макса.

– Да не слишком много и совсем не мало для такого пострела, как ты. Женишься скоро, вот и вся твоя новость.

Макс, глядя на вытянувшуюся физию друга, откровенно заржал.

– Была у собаки хата – дождь пошёл, она сгорела. Ещё не родилась на земле та баба, что его на это уговорить сможет.

– А я не говорил, что его уговаривать будут, сам о том попросит, – шаман сделал глоток из выдолбленной тыквы. – Ладно, поболтали и будет. Проваливайте. Может, увидимся ещё

– Будь здоров, дядя Стив, – серьёзно ответил Макс, а Лёха, прощаясь, отсалютовал широкой ладонью.

– Короче, здесь посылают нахрен, – резюмировал Макс, едва они отошли подальше. – А дяденька шпион живёт этажом выше.

...Вернувшись в центральную часть города и, проболтавшись с час по пустынным улицам, они зашли в крошечный ресторанчик и заказали себе приличный обед.

– Значит, завтра краснокожие братья начнут окончательное восстановление исторической справедливости. – Лёха вдумчиво трудился над запечённой грудинкой. – Что лично меня не устраивает, так это то, что для них все бледнолицые на один фейс. Они и нас под это дело с доски смахнут, тут и к бабке не ходи.

– Да, уж, – с чувством согласился Макс, орудуя над шкворчащей беконом яичницей. – Не усвоили, понимаешь, неблагоприятные аборигены всех прелестей гуманности и демократии.

– Не скажи, – осклабился Лёха. – Кое-что, всё-таки, усвоили. Потому пленных братья не станут, мочить будут всех.

– Я так мыслю, Лёха, что надо будет к сержанту поближе держаться. Камински, сдаётся мне, старый пёс и собственную шкуру беречь умеет, – запивая очередной кусок пивом, рассуждал Макс. – Все лазейки знает.

Они лениво поднялись и отправились на площадь, где всех отпущенных в увольнение уже ожидал небольшой автобус из части. Большинство возвращавшихся, в изрядно поддатом состоянии, делились меж собой впечатлениями о местном борделе, где они и провели свободное от возлияний время.

– Вот, видишь, – всадил шпильку неугомонный Макс. – Вот люди, как люди, с бабами время проводили. А мы со старым индейцем.

– И не говори, – не остался в долгу товарищ. – Вот связался я с тобой, с извращенцем. Переглянувшись, оба жизнерадостно заржали.

...А в три часа ночи истошно взревела сирена.

– Тревога! С оружием на выход! По машинам, мать вашу! Торпеду вам в то место, откуда крылышки не растут!

Под дружные «благословения» сержантов началась ускоренная посадка в машины с урчащими двигателями. Едва они плюхнулись задницами на жёсткие скамьи, как колонна двинулась. Выскочив на автобан, машины, светя притушенными фарами, помчались на предельной скорости. В отдалении ночное небо распарывали осветительные ракеты и слышались приглушённые расстоянием взрывы. Словно швейные машинки, стрекотали крупнокалиберные пулемёты. Лёха, у которого, по выражению Филиппыча, был «компас в голове», быстро сориентировался по направлению. Ага, вся шумиха доносится со стороны космодрома. Оба-на! Похоже, аборигены решили не рисковать, перекрыв «изгоям» главный путь эвакуации. На другом краю небосклона вспыхнуло и стало разгораться зарево большого пожара.

А вот это уже интересно. Вчера, в автобусе один поддатый «перец» болтал, что как раз в том секторе находится секретная лаборатория. Кто же это так постарался? Могла, конечно, и Коалиция долбануть. Но, скорее всего, что сами «изгои» её и «зачистили». Тем более, что в автобусе тот поддатый солдатик болтал о каких-то несусветных чудовищах. А следовательно, это была лаборатория по производству биологического оружия. Которое, кстати сказать, уже лет двести как запрещено.

Но долго ломать головы не пришлось, звуки боя были уже рядом и колонна, резко притормозив, свернула в черневшую неподалёку рощу. Высадка и бег с полной выкладкой до небольшого населённого пункта, где их встретил какой-то замотанный лейтенант-морпех с нашивкой «S2». Ага, разведка. Короткая команда и они рассыпались, занимая оборону. Пока здесь было тихо...

...Бой справа стих и наступила напряжённая тишина. Макс с Лёхой оказались у самой стены бетонной будки. Скорее всего местная подстанция, но до рассвета оценить окружающую обстановку было практически невозможно. Неподалёку от них обосновались белокрысы Эдгар на пару с чернявым. Только вот что-то свербило внутри и не давало покою. В переводе это понималось, как жопой беду чуют.

– Слыш, Макс, – прошипел Лёшка. – Мы на фоне этой стенки вполне готовы к расстрелу даже ставить не обязательно.

– Вот, именно. Как две мартышки на одинокой пальме. Давай-ка, малость переместимся, а то у меня сердце не на месте.

Они поменяли позицию с таким расчётом, чтобы не торчать на мушке у ненадёжных сослуживцев. Грамотно примениться к местности труда не составило, теперь та же самая стенка надёжно закрывала их от злопамятных «соседей». Им хорошо будет видно прежнюю позицию и эту парочку. Лёха выудил из кармана пачку галет и неспешно хрустя, прислушивался к окружающим звукам. Вроде бы и тихо, но, что-то в этой тишине его явно не устраивало.

– Что-то тут не так.

– Лёха, перед нами кусты и деревья, а ночные птички ни гу-гу.

– А я почём знаю? – хмыкнул тот. – Я горожанин, это ты у нас на пленэре вырос. Я хрен его знает, когда эти птички чирикать должны.

Послышался звук осыпающихся камешков и к ним подобрался сержант Камински. Оба мельком отметили, что и он передвигался ползком. Противник и на звук шмальнуть может. Битый волчара.

– Чего со своего места сорвались? Ищи вас тут, придурков, – вполголоса ругнулся он, но кинув взгляд на белеющую рядом стену, понимающе хмыкнул. – Что слышно?

– В том-то и дело, что ничего, – тихо ответил ему Макс. – Люди впереди нас затаились.

– Кого видел?

– Я не филин, чтобы в темноте видеть. А только птицы впереди нас молчат, значит, люди рядом и их много.

– Соображаете, – голос выдавал одобрение. – Ладно, если кто появится, знак подайте, я рядом.

И он проворно уполз дальше. А они напряжённо ждали. Темнота явно истаявала, стремительно приобретая серый оттенок. В предрассветном сумраке черные купы, словно проявляясь на фотоплёнке, медленно проступали отдельными кустами, стволами и ветками. От ползущей по траве туманной дымки пахло прелой сыростью, она неприятно оседала на лицах и одежде, стало зябко. Вот уже серый цвет сменился на белёсый, и край неба стал наливаться розовыми тонами, предвещая скорое появление солнца. Впереди испуганно зацокала белка, с дальнего куста с писком сорвалась стайка мелких птах, потревоженная неосторожным движением. Покачнулись ветви и меж них стали возникать крадущиеся фигуры вооружённых людей. Дождались, слава, те, господа!

Макс подал условленный сигнал, поцокав в головную гарнитуру рации. Они лежали, вжимаясь в землю. Перестрелка вспыхнула неожиданно. С другой стороны подстанции кто-то не выдержал напряжения и первым открыл огонь. Один из наступающих словно споткнулся под лучом и нелепо завалился навзничь, остальные ощерились плотным огнём. У нападавших, судя по синеватому оттенку выстрелов, излучатели были устаревших моделей, зато были гранаты. Ухнул взрыв, ещё один и ещё. Крики и шипение лучей внезапно перекрыл нечеловеческий вопль боли и страдания.

Оглянувшись, Макс присвистнул. Между покинутой ими позиции и схроном Эдгара курилась кислым дымком от разрыва воронка, стена подстанции была исклёвана кучно лёгшими осколками. Месиво из плоти, костей и обрывков формы некогда было чернявым. Метко накрыли. А орал белобрысый Эдгар. Корчась на песке, он, в горячке, пытался удержать трясущимися руками собственные кишки, упруго выпиравшие меж скрюченных пальцев из вспоротого осколками живота. Он так и не понял, что уже покойник. А ещё через минуту, бьющий по нервам вопль оборвался.

– Отыгрались, – бросил в никуда Лёха. – Бог не фраер, его не проведёшь.

– Умеешь иногда в точку сказать, – ответил между выстрелами Макс.

Они стреляли на поражение, ничуть не смущаясь. Своя жизнь всегда дороже любого чужого идеала, по ним ведь тоже бьют без дураков. Да и нет у них права на смерть. А совсем даже наоборот – вернуться им надлежало живыми и обязательно с ценной информацией. Словно в ответ на эти мысли, среди рядов противника вспыхнула непонятная суматоха. Огонь с обеих сторон сошёл на нет и нападавшие отошли, вероятно, для перегруппирования. Из— за ближнего к ним куста, подав сигнал «Свой!», вынырнули пятнистые фигуры и короткими перебежками помчались к ним.

– Опаньки! – узнал Макс. – Это же Виктор с Гюнтером!

– Молодцы ребята, – согласился Лёха. – Ещё и пленного волокут.

И правда, они безжалостно тянули за собой посеревшего от страха араба с кляпом во рту и со связанными руками. А рядом передвигался вездесущий Камински с уцелевшей парой братьев-мордovorотов и тощий индус. Укрывшись за исклѐванной осколками стеной, сержант в момент сгрѐб живую добычу и устроил ему блиц-допрос.

Теперь стало ясно, что на них наравлась одна из групп Азер Аззана, посланная к космодрому. Отослав с нарочным донесение, сержант устало присел рядом и слушал доклад о налѐте чѐрного террориста на секретную лабораторию, переваривая полученную информацию. Макс с Лѐхой, так и продолжавшие бдѐть на своей позиции, не пропустили из доклада ни слова.

А жизнь тем временем не останавливалась. Кто курил, пытаясь унять дрожь в онемевших от напряжения пальцах. Кто-то, достав сухой паѐк, перекусывал, но таких было мало. Большинство знало, что если словишь пулю в набитое брюхо, то шансов выкарабкаться с того света ноль.

Санитары, пользуясь затишьем, оказывали помощь раненым. Эдгара и то, что осталось от чернявого, запаковали в чѐрные мешки для отправки в часть при первой оказии. Но связист успел проболтался вездесущему Лѐхе, что база морпехов была занята силами Каолиции спустя полчаса после их отбытия и теперь они с Максом сидели, угрюмо прокачивая свои шансы.

Потом атака следовала за атакой, начались обстрелы из дальнoбойных орудий. Войска Каолиции наступали, сдерживая их и теряя людей, они медленно и неотвратимо пятились к космодрому Ванденберг.

В одну из немногих передышек Макс с Лѐхой, обросшие трѐхдневной щетиной, укрылись за развороченным взрывом транспортѐром и жадно ели кашу с мясом из вспоротой ножом банки и краем глаза поглядывали за суетой в охраняемом ими особняке. Снабжения никакого не было и морпехи быстро сообразили пополнить свои заплечные мешки продовольственным запасом из подвального сторевавшего неподалѐку магазина.

– Вот вы где, – Камински со своей небритой физиономией, выглядел не намного лучше них самих. – Всѐ, снимаемся.

– Куда ещё? – устало поморщился Макс, потирая воспалѐнные от недосыпа глаза. – Вроде, дальше отступать некуда.

– На загрузку. Хрен эти тыловые крысы меня тут оставят, – видно было, что сержант говорит то, что наболело. – Начинаем посадку в крейсер, пока они тут своё барахло пакуют.

– Без нас из них в момент фарш накрутят, – оскалил зубы Макс.

– Мне своя шкура дороже их побрякушек, – бросил Камински. – Да и чужих шлюх мы охранять не занимались. Кончай травить. За мной!

На резервном космодроме, Лѐха опытным глазом насчитал три крейсера, два корвета, топливозаправщик и огромный пассажирский лайнер.

– Неплохо, – присвистнул он.

– Здесь ещё патрульный катер был, – буркнул Камински. – Угнали.

– Кому эта рухлядь нужна? – искренне подивился Макс.

– Только Аззаму, – пожал плечами сержант. – Все остальные были в курсе, что катер готовили сдать в ремонт.

Их и осталось-то всего ничего, но, взглянув на решительную рожу сержанта и готовых открыть огонь по его приказу морпехов, внутренняя охрана Космопорта возражать не рискнула. Они беспрепятственно пропустили их к космическому кораблю, принимавшему на борт потрепанные, изрядно поредевшие остатки элитных подразделений.

Распоряжавшийся загрузкой офицер, видимо и сам не сидевший по кабинетам. Обменявшись с Камински взглядом, тот понимающе усмехнулся и занёс их в список отбывающих. Они «забили» себе свободные места и, сбросив пожитки, спустились по трапу на «свежий» воздух. Вокруг космодрома пылали пожары, в воздухе носились хлопья пепла и сажи, пятная одежду и лица, но на это внимания уже никто не обращал. Тяжёлые туши военных транспортников стояли поодаль от пассажирского космолёта. Морпехи брезгливо наблюдали со стороны, как там суетились «сильные мира сего», в одночасье оставшиеся не у дел.

Сверкали лаком подъезжавшие к трапу шикарные лимузины, под завязку набитые прихваченным добром. Умотанные стюарды таскали огромные баулы и саквояжи.

– Мы по их милости под смертью ходим, а тут собачек с собой тащат! – не удержался от едеи реплики знакомый им сержант со шрамом, приятель Камински. Он, за одну ночь потерявший всех своих людей и сам уцелевший каким-то чудом, прибил к ним. Зло плюнув на бетонку, сержант недобро кивнул на холёные рожи прибывших. Из очередной машины выплыл толстяк, а следом престарелая гримза с надменным взглядом. На её унизированных кольцами руках тряслась мелкая шавка в сверкавшем на солнце ошейнике.

Вновь начался обстрел и богатенькие «буратины», растеряв всю вальяжность, порскнули вверх по трапу, как напуганные крысы.

– Вестовой рассказывал, – встрял в разговор, куривший рядом связист. – У них там всё по высшему классу оборудовано. Каждому отдельная каюта с персональным клозетом, ванной и прислугой, а дорогой выпивкой и жратвой половина трюма забита.

– Лучше в бою заряд словить, чем при таком дерьме прислуживать, – поморщился Камински.

– Иногда и богатым поплакать не грех, – не удержался Макс.

– Кончай трёп! Все на борт! – заорал сержант, когда послышался характерный звук летящего снаряда.

Все кинулись на крейсер. Едва они успели проскочить аппарель, как тяжёлый, загруженный под завязку, транспортник тряхнуло ударной волной так, что их просто зашвырнуло в салон. В иллюминатор они увидели, что от удачного попадания снаряда, заправщик просто перестал существовать. На его месте к небу взметнулся огромный, клубящийся сгусток ослепительного огня и чёрного дыма.

А рядом, словно факел в Хэллоуинскую ночь, поыхал пассажирский корабль. Никто на космодроме даже не дёрнулся к нему на помощь – уцелевших в таком пекле не бывает.

– От судьбы хрен уйдёшь, – с трудом разлепил губы Лёха. – Видать, тот, кто свыше, не зря собрал их здесь в одну кучу...

– По местам! – разнеслась команда по общей связи. – Всем пристегнуться! До старта две минуты! Готовность номер один!

Они понеслись к своему месту, слыша, как сзади топают ботинками те, кто ещё умудрился проскочить на борт крейсера перед тем, как задраили вход. Плюхнулись и защёлкнули замки на ремнях, фиксируя безопасное положение тела. Наступила давящая тишина. Все замерли, слушая монотонный отсчёт последних предстартовых секунд. Истеричный гул запускаемых реакторов сменился на ровный рокот и вибрация, заставлявшая сжимать челюсти, исчезла.

Мягкий толчок вдавил человеческие тела в кресла тяжестью ускорения. Мелодичный сигнал оповестил о выходе транспортника из атмосферы Земли. Корабль вырвался в открытый космос...

Глава 4. Отрок и аспид

Голову раскалывала боль. Подкатившая к глотке тошнота заставила Нарада разлепить веки. Над головой нависала низкая притолока, словно придавливая его распростёртое на лежанке тело. Стоп! Какая лежанка? Где он находится? Превозмогая головокружение и слабость, он с трудом нашёл равновесие на пятой точке и обвёл взглядом помещение. Узкая, похожая на пенальчик, комнатка, в которой, кроме лежанки, уместился ещё крошечный сундучок. Такие обычно стоят на виманах. Сбоку, в спецзажиге, сетка для перегрузок на старте. Он что, в космосе?!

Последнее, что он мог вспомнить, это мягкий свет ястной, хрустальный звон кубков и льющаяся из музыкального автомата мелодия. Глаза Акары. И всё. Остальное словно пропало, истаяло в зыбком мареве, поглощённое вязкой темнотой. Как, в таком случае, он мог попасть на космическое судно? Тревожные мысли, прогоняя боль, закрутились в голове. Так, стоп! Если он оказался на борту в качестве порядочного пассажира с билетом, тогда не подходит антураж.

Место, где он находился, приличной каютой назвать язык не поворачивался. Если это каюта для экипажа, что более всего приходит на ум после беглого осмотра, как он мог сюда угодить без распределения и без допуска к полётам? Вывод напрашивался один-единственный. Значит, это корабль татей.

Много ходило про них разговоров меж отроками Даршаны, кое-какие детали просачивались из кабинетов наставников, да и иные обмолвки давали пищу к размышлениям. Однажды, как домового его дёрнул, взял да и спросил о них у Веда, что наставлял их по звёздным картам. Тот задумался, но потом кивнул головой и поведал отрокам то, чему некогда и сам был свидетелем, да ещё многое сверх того, к чему не имели отношения обычные люди.

– Потому и говорю вам о том, что космос бывает всякий. Один полёт на другой не схож, и куда занести может, тоже не каждому ведомо. И знания такие на звёздной дороге не лишние, могут иногда вам добрую службу сослужить.

Теперь оставалось напрячь мозги и прикинуть – как его могло сюда занести? Он был с Акарой. Друг бросить его не должен был ни под каким видом. Но он здесь, а Акары нет. Да ещё это странное забытьё... Человек здоровый после пары кубков мёда не может вдруг отключиться до потери памяти. Вообще-то можно, но только в том случае, если ему кое-что подмешают в питьё или пищу. Отец ему когда-то рассказывал о таких препаратах и где их применяют. Упоминал и редких сейчас звёздных татях, которые подобным образом набирают себе экипаж. Значит, его «захомутали», и, возможно, не без помощи лучшего друга.

Он обернулся на звук открывающейся двери.

– Хайре, лощман!

Одетый в самую обычную холщовую робу, что носили космонавты в обыденной жизни на вимане, седой крепкий мужчина смотрел на него глубоко посаженными серыми глазами без всякой насмешки. Засученные рукава позволяли видеть застарелые шрамы на мускулистых руках. Человек явно жил не самой спокойной жизнью. Крепкую шею охватывал кожаный ремешок с амулетом-оберегом, в мочке уха поблескивала крохотная серьга.

– И тебе не хворать, – отозвался Нарад, сообщая, с чего начать разговор.

Понятно, что в первую очередь нужно осмотреться – что к чему, а уж потом показывать норы.

– А ты не шумный, – одобрительно произнёс седой. – Иной бы уже криком исходил.

– А чего орать? – пожал плечами отрок. – Всё одно делу не поможет.

– Тоже верно, – спокойно кивнул вошедший. – Ну, в общем, дело тут простое. Нам нужен лощман. Потому мы тебя и «захомутали». Понимаешь – о чём я?

– Понимаю, – отозвался Нарад без особого энтузиазма, вспомнив рассказы отца.

Хорошего мало, конечно, но и в панику ударяться рано. Раз он в плену, значит, надо подумать – как отсюда утечь. А криком можно добиться только одного – дадут по голове и выкинут в космос. Слыхали, и не раз.

– Значит, Акара меня вам сдал? – безглаголиво скривившись, обронил он.

– Куны все любят и он не исключение, – усмехнулся седой. – Я Кормчий этой посуды, зовут меня Ипполит. Вимана зовётся «Аргус». Дружина у нас небольшая, но дружная. Познакомишься сам, по ходу дела. В дружине будешь пока отроком. Но сначала посмотрим – что ты за лощман.

– Что надо? – спросил Нарад.

Он, в общем-то, и так всё понимал, просто тянул время, сам не зная зачем. Если тати крадут лощмана, то не затем, чтобы репу в столовой чистить. Хотя, может, и это делать придётся. Не зря же Кормчий его в отроках оставил.

– Вот это уже разговор. Систему Светила хорошо знаешь?

– Знаю.

– В нашей системе есть планета Тартар. Вот нам туда и нужно. Твоё дело – рассчитать дорогу и ввести в вычислитель.

... – Да куда ты денешься, – равнодушно сказал Битон, спускаясь рядом с ним по лестнице. – Прежнего лощмана так же захмутили, да будет его тропа светлой. Поначалу пробовал взбрыкнуть, да Ипполит его быстро стреножил, больше не рыпался. А потом пообвык и сам понемногу втянулся. Только вот на охоте ему не свезло, зазевался чуток и остались мы без лощмана.

Знакомство с дружиной началось именно с него, Кормчий, не заморачиваясь долгими объяснениями, крикнул Битона и велел ознакомить его с виманой.

– А что за дичь такую скрадывали? – поинтересовался Нарад.

Он не был записным охотником, как некоторые его товарищи. Да и не так много было в лесах зверей, на которых разрешена охота. Плати кучу кун, заполняй гору документов, и всё ради того, чтобы лишить жизни ни в чём не повинную скотину, хоть и дикую. Оно ему надо?

– Сейчас увидишь, – хмыкнул здоровяк.

Нарад не успел удивиться, как в лицо дохнуло жаром и от мощного удара, казалось, дрогнул пол под ногами.

– Ну-ну, успокойся, – Битон отстранил рукой отрока.

Метрах в пяти, за толстыми прутьями решётки, извивал гибкое тело тёмно-зелёный чешуйчатый гад. Схватившись жуткого вида когтями за перекладины решётки, он злобно шипел, раззявив клыкастую пасть, обдавая лица волнами жаркого воздуха. Во рту бился раздвоенный язык. Всё, как на детской бересте. Что за ерунда?

– Аспид, – ответил на невысказанный вопрос провожатый. – Редкость большая, неподъёмных денег стоит. Предшественника твоего в момент поджарил, как свиной окорок.

Отрок наблюдал за чудовищем в полном ошеломлении. Нет, он, конечно, знал, что есть древний народ. Видел как-то раз лесовика, читал статьи о берендеях. Домовой на глаза не показывался, как ему и положено, но его незримое присутствие являлось чем-то само собой разумеющимся. Даже когда он шалил с обувью или варежками, это принимали как должное. Ну, пошалит да вернёт. Домовой у них был порядочный и в семье к нему относились уважительно.

Но таких существ, как аспиды, огненные змеи и прочие чудища, он считал выдумкой по определению. И вот тебе, на! Зазевался он чуть-чуть и пришлось бы ожоги на морде лечить.

Битон тем временем, ласково приговаривая, подошёл поближе к решётке. Аспид, внимательно за ним наблюдая, продолжал грозно шипеть, но огнём больше не дышал. Открыв ларь, охранник доставал из него куски тёмного вяленого мяса и осторожно просовывал их сквозь

прутья. Занятие это было совсем не безопасным. Аспид, щёлкая клыками, хватал мясо и тут же его пожирал. Зазевайся немного — останешься без пальцев, а то и совсем без руки.

– Приглядывайся, отрок, сам его кормить будешь, – порадовал его охранник.

– Ещё чего! – вырвалось у него.

При этих словах змей повернул голову и уставился на него, потом перевёл жёлтые глаза с узкими горизонтальными зрачками на Битона.

– И нечего на меня пялиться, – добродушно буркнул охранник. – Какая тебе разница – кто тебе жратву давать будет? У меня и так дел по горло.

Аспид зашипел в ответ и неодобрительно глянул на Нарада, словно раздумывая, а не поджарить ли ему этого невежу? И презрительно отвернулся, решив, что не стоит.

– Он что, понимает что-то? – ошалело глядя на чешуйчатое создание, изумился Нарад.

Гад, разинув пасть, негодуя зашипел и громко лязгнул челюстями, словно схлопывая огромный капкан.

– Он всё понимает, – усмехнулся Битон. – Ты с языком-то поосторожней, обидится – не подойдёшь.

Нарад невольно поёжился

А ты имей в виду, – грозно глянул охранник на аспид. – Спалишь мальчишку, я тебя кормить не буду! Сдохнешь тут с голоду.

Змей презрительно пыхнул дымком.

– Пойдём, – сказал Битон, закончив кормление. – Пора и самим подкрепиться. Стряпуха у нас варит важно, голодным не будешь.

Они снова поднялись наверх и пошли по коридору, застланному узорчатым ковром. Витавший в воздухе запах чего-то вкусного становился всё отчётливей и Нарад, так и не успевший нормально поужинать перед похищением, проглотил набежавшую слюну, в желудке отчаянно засосало. Шедший впереди охранник толкнул двери, и они оказались в небольшой уютной столовой. У плиты хлопотала невысокая статная женщина в цветном переднике и косынке, прикрывавшей волосы цвета воронова крыла.

– Чем сегодня потчевать будешь хозяйюшка? – заулыбался во весь рот Битон, и было ясно, что стряпуха давно и прочно занимает его мысли. – Отрока тебе вот привёл, подкормить бы надо.

– Да я и без тебя о том знаю. Чего так припозднились, аль опять у змеюки своей отирался?

– Так, я того... Приказал Ипполит кормить, вот и приходится. А не то давно б подле тебя был.

Охранник, лукаво щурясь, подкатывал поближе к предмету своих мечтаний и даже успел огладить округлое плечико. Грозно взлетевший над головой половник заставил его отступить на прежние позиции и устроиться за длинным, для обеда всей команды, столом. Нарад пристроился с ним рядом. Хотя в желудке и ворчало, но он-таки заметил лукавый блеск в глазах стряпухи и понял, что все эти грозные выпады – не более, чем женские уловки.

Охранник и сам был в курсе, но, прилику ради, делал испуганный вид и смиренно ухаживал дальше. Памятуя, что и капля камень долбит, а стряпуха – человек живой и хоронить себя в старых девах вряд ли намерена. Просто, улучив момент, нужно сцапать свою голубку и к Кормчему, дабы узаконить свои права. Битон уже заранее представлял свою дальнейшую семейную жизнь обок неё. А почему бы и нет? Кошель у него не пустой, как у некоторых. Осесть где-нибудь, купить себе домик в тишине на природе, а там и детишки пойдут. Лепота!

Стук мисы с наваристой похлёбкой о стол спугнул его мечтания и они, вспорхнув к прилолке испуганными птишками, испарились. Щекочущие ароматы пряных трав заставили мужчину спуститься с небес и отдать должное мастерству стряпухи.

– Зови меня Гипероха, – присаживаясь напротив, сказала она Нараду. – Молоденький какой, совсем мальчонка. Наш Кормчий совсем озверел.

– Ты бы не задевала его, не ровён час... – пробурчал с набитым ртом Битон.

– Ажинно два раза промолчу. Мне бы ещё тут рот не затыкали. Если не по нраву, так пускай сам к горшкам встаёт. Я-то без работы не останусь. Меня давно на «Голубку» Кормчий их сманивает, так что, с моим удовольствием, если Ипполита не устраиваю.

Нараду, в миг сметавшему свою порцию, стало смешно. Ему всегда нравились люди с задиристым характером, умевшие постоять за себя. И пол тут никакого значения не имел. Стряпуха ему понравилась, да и она, видимо, нутром почуяв его приязнь, засмеялась и легонько стукнув пустой мисой Битона по голове, пошла подлить добавки новичку.

– Вот и пойми их. То ли приласкала, то ли отругала? – озадачился влюблённый охранник, почёсывая макушку.

– Ага. Ещё один, на мою голову, бестолковый попался. А ты, малец, на него не смотри, лучше ко мне почаще заглядывай. У меня братишка меньшей сейчас как раз в твоём возрасте будет. Далеко только он отсюда и свидимся с ним невесть когда. Вот ты мне пока вместо него и будешь. А на этих охламонов поменьше оглядывайся. Что Кормчий сказал – сделал, а в остальном пускай сами крутятся. Им ведь без лощмана никак, а другого захомутать — бабка надвое сказала.

– Гипероха, ты чему это отрока учишь? Он же так от рук отобьётся.

– Знаю я ваши руки. Тянете их вечно куда не след.

– Опять Бастак тут руки распускал? Я же не посмотрю, что он подмога у Ипполита, обломаю по самое «не балуйся».

– А здоровья-то хватит? – она насмешливо взглянула на ревнивца. – Он ведь тоже не из кротких, чтобы тебе под кулак подставляться.

Нарад с интересом слушал начавшиеся разборки, выхватывая нужные крупницы информации. Авось и пригодится что в дальнейшем из сказанного в запале. Одно он уже понял сейчас, Битон недолюбливает Бастака и видимо, не только за его притязания к стряпухе. Есть нечто такое, что подпитывает его нелюбовь и помимо этого. Вот об этом не помешало бы узнать подробнее. Значит, будем дружить.

С другим обитателем виманы он столкнулся, когда шёл по коридору, сыто отдуваясь после обеда. Высокий жилистый мужчина, выйдя из боковой двери, остановился, явно поджидая его. Они остановились, рассматривая друг друга без особого стеснения. Черноволосый, на левом виске шрам, как бы оттягивающий верхнее веко. Взгляд жёсткий, уверенный. И одет, в отличие от привычной робы, в свободную блузу с широкими рукавами, собранными у запястий наручами и свободного кроя штаны с широким, настоящей кожи поясом и замысловатой золотой бляхой на нём. Приличных размеров тесак за голенищем мягких ичиг. Однако...

– Ну, разглядел? – насмешливо поинтересовался мужчина. – Теперь запоминай как следует: я Бастак, помощник Кормчего. Предки мои – скиты⁶, потому что мы по жизни скитальцы. Моё слово на вимане – закон. Твоё дело – проложить дорогу к Тартару. Сделаешь хорошо, получишь свою долю и сам будешь решать – с нами тебе остаться или своей дорогой идти. Вздумаешь морочить, сам горло перережу и к Звёздному Деду отправлю. Понял меня?

– Понял, – кивнул Нарад. – Чего ж тут не понять? Доведу до Тартара – прикончите, не доведу – прикончите немного раньше.

– Думай, как знаешь, – пожал плечами Бастак. – Мне перед сопляком лжу творить не к лицу. Скиты, чтобы ты знал, даже перед лицом смерти не лгут. Пойдём, провожу на мостик.

Шагая по коридору за помощником капитана, Нарад размышлял. Очень может быть, что этот тать и не лгал ему, и что с того? Пять лет учили его в Даршане, и, спрашивается, за каким лешим? Чтобы вот так, в один момент, по уши умазаться в этом грязном деле и навсегда

---

⁶ Скит – современная транскрипция слова «скиф».

закрыть себе дорогу в Глубокий Космос. Ну, Акара, вот подставил, друг ситцевый! Ну, вот уж нет! Он ещё не придумал – как именно, но то, что ломает эту затею, Нарад знал точно.

– Вот, здесь теперь твоё место, бери это дело в свои руки, – показал Бастак просторную комнату, в которой одна стена была прозрачной.

Сквозь неё смотрел на них равнодушный космос. Мягкий бархат чёрного пространства и мириады звёзд. Совсем не таких, как на земле, далёких, прячущихся за туманностями, ровно светившими над головой или чуть мигавшими. Здесь они холодно сверкали неисчислимой россыпью бесценных бриллиантов. Лоцманский стол приветливо подмигивал разноцветными огоньками, мерцал экран вычислителя.

– Как вы на таком старье «дорожки били»? – невежливо удивился Нарад.

– Если ты лоцман, разберёшься. А нет, так нет. Но ты уж постарайся, – с лёгким оттенком угрозы добавил Бастак. – Для твоей же пользы.

– Попробую, конечно, а что мне остаётся? – как бы не расслышав угрозы, спокойно ответил Нарад, выводя на экран «стрелку».

Так, вычислитель новее, чем он предполагал. Теперь надо подумать – как этим ребятам поломать всю затею. И, желательно, конечно, остаться при этом в живых.

– Слушай, не стой над душой, – не слишком вежливо обратился он к скитую. – Мне с этим старьём ещё разобраться надо. Если чего сделаю не так, мне же отсюда бежать некуда. Не ты зарежешь, так аспид сожрёт.

Бастак, пожав плечами, вышел, оставив Нарада один на один с допотопной техникой и невесёлыми думами.

...Кормёжку аспида ему всё-таки всучили. Каждому на вимане приходилось совмещать несколько обязанностей, а куды бечь? Экипажа на крошечной посудине – раз, два, и обчёлся. Спустившись вниз, он с интересом и опаской разглядывал своего нового подопечного.

Нарад долго стоял возле лестницы, не решаясь подойти ближе. Хорс его ведает, что у этой твари на уме? Но сколько можно торчать столбом? Стой, не стой, идти всё равно придётся. И он решительно шагнул навстречу твари. Змей, разинув пасть, негромко зашипел, но скорее так, для порядка.

Нараду вдруг пришла в голову мысль, что понимающая человеческую речь тварь – не обычный представитель животного мира, а существо разумное. Пусть на людей и не похожая, но имеющая интеллект. А раз так, то не попробовать ли ему наладить с ним нормальный контакт? Аспид, в свою очередь, тоже наблюдал за ним и пока шугануть его прочь не пытался.

– Слушай, чем так маяться, давай я тебе в бак мяса наложу и поставлю рядом с тобой? Ты тогда сможешь спокойно брать и есть, а не хватать каждый кусок. И тебе спокойно и мне проще, не надо бояться, что ты мне вместе с мясом руку отхватишь.

Аспид придвинулся к самой решётке и мотнул головой – словно соглашаясь. Нарад рванул вверх к стряпухе за баком. Гипероха, поначалу шумнувшая для порядка, наконец поняла его докуку и согласилась выделить один из запасных баков.

– Оно, конечно, тварь бессловесная, но и ему в неволе не сладко.

Наполнив мясом бак, Нарад волоком подтянул его к решётке, ткнувшись пятой точкой в прутья клетки. При желании, аспид мог распластать его в клочья, но только сопел и терпеливо ждал. Готово! Коготь змея подцепил первый кус и отправил его в пасть. Потом второй, третий и скоро бак был пуст. Сыто отрыгнув, аспид положил голову на лапы и казалось, задремал, кончик языка, так и остался торчать из закрытой пасти.

Нарад присел на перевёрнутый бак и невольно улыбнулся, вспомнив, как их домашняя собака так же засыпала с зажатым меж зубов розовым кончиком языка. Ему вдруг стало тоскливо, захотелось домой к родным. Чтобы скользить в лунном свете, среди влажной и прогретой за день травы, окунуться в парную воду озера и доплыть до маленького мыса, где его уже

поджидала подруга, подрагивая кончиком хвоста от нетерпения. А потом, поднимая фонтаны брызг, устроить игрища на мелководье, ласково покусывая её за гребень на спине.

Стоп! Нарад открыл глаза. Станный какой-то сон. Он, в образе змея купается с самкой в воде... или это не сон? Обернувшись к пленнику, наткнулся на устремлённый на него немигающий взгляд. Стало не по себе, по телу пробежали мурашки.

– Это ты мне показал? – задал Нарад вроде бы глупый вопрос и впал в ступор, когда увидел кивок. – Значит, вы общаетесь меж собой мыслеобразами? Здорово!

– Отрок! Кормчий зовёт, – послышался крик Битона.

Оглянувшись, Нарад поднялся.

– Вечером поговорим, когда кормить приду. Не скучай.

...Нарад, ползая «стрелкой» по экрану вычислителя, размышлял. Их Светило уже осталось позади, мерцая, сжавшись до размера мячика. Где-то впереди, на пару седмиц пути, находился Тартар. Ведающий Мировую Лоцию душу из отроков вынимал, а потому, своё дело Нарад знал прекрасно. В системе Светила есть одна странная особенность. Арктида – четвёртая планета, но на её орбите кружится не одна планета, а две – Арктида и Тартар. Периоды их обращения одинаковы, потому они всегда противостоят друг другу. А между ними и Латоной по сильно вытянутой орбите вращается планета Дива. И сейчас, насколько помнится, она с Тартаром почти в соединении.

Лоцман задумался. А ведь это шанс! На пути вращаются два гиганта – Волот и Стратим.... Так, а между ними пояс астероидов, в котором и лешего заплутать можно. Если «пробить дорожку» так, чтобы гиганты своей тягой сдвинули виману в нужную сторону, потом в поясе крутануться туда-сюда....

Тут даже лоцмана можно провести, не то, что этих татей. Тогда, приземлить судно на Диве – вообще раз плюнуть! А эта планета, насколько помнится, вообще не заселена. Это, конечно, минус, но всё лучше, чем Тартар, про который он сроду ничего доброго не слышал. Кубло⁷ татишное!

Вот, если бы аспида использовать... скажем, для приведения этой дружинишки в чувство? Рискованно. В клетке он тихий, пока его кормишь. А на воле, глядишь, у него приоритеты поменяются. Не зря же во всех былинах аспид, змей – исстари враг рода человеческого. Впрочем, изложить ему план можно. Тут уж он точно ничем не рискует – чудище ябедничать не побежит. Может, что путное присоветует.

Поразмыслив, он вбил в «дорожку» нужные поправки, надеясь, в глубине души, что не попутал массу гигантов. Хотя это как раз из области невозможного, ведь свои обязанности лоцмана и на тренажёрах, и на практике он выполнял на подсознательном уровне. Откинувшись на спинку вращающего кресла, с наслаждением потянулся.

Так! Хватит с него трудов праведных! Неплохо бы сейчас хлебнуть горяченького сбитня. Тем более, что Гипероха напиток этот готовила дивно. Воодушевлённый таким соображением, Нарад отправился в столовую. Уверенность в своих силах росла с каждой минутой. Зря, что ли, имя его пишется НАРАД?

Если читать его руны, смысл имени читался, помимо всего прочего, как «Изначальная глубинная энергия, созидаящая добро». И кого ему, спрашивается, с таким именем бояться? Смешно подумать, не то, что сказать.

---

⁷ Кубло – змеиный клубок.

Глава 5. Зелёный ад

...Армада кораблей, с гулом пронизывая пространство, неслась сквозь непроглядную мглу Большого Космоса. Маленькие человечки, скорчившись внутри железных скорлупок, ждали удара, которым обычно сопровождается внепространственный переход. Правда, последние модели космических кораблей были более совершенными, в них пассажир чувствовал себя, как у Христа за пазухой. Переход в них опровергался только небольшим давлением на барабанные перепонки, как в самолёте при наборе высоты. Но тот космодром, с которого они стартовали, был резервным. Фактически, это было преддверие корабельного кладбища. Оттуда кораблям была одна дорога – на переплавку.

– Мне как-то пришлось лететь на ещё более старой модели, – прихлёбывая из фляжки, разглагольствовал здоровый парень по имени Марк. – Сами знаете, для государственных институтов вечно всякое фуфло сбавривали. Так, там, когда во внепространство переходили, рвануло так! Я думал, мозги по салону разлетятся.

– Так ты учёный, что ли? – спросил Макс.

– Да. Можно сказать, без пяти минут академик. Моя монография по термитам Платиновую Звезду Всемирной Академии Наук получила. А сейчас я сижу в этой поганой коробке и жду, когда Большой Космос мне по ушам хлопнет. *O quam cito transit gloria mundi*⁸, – продекламировал он с чувством и снова сочно присосался к фляжке.

– А чего ты в Израиль не уехал, когда началась вся эта свистопляска? – немец по имени Гюнтер смотрел на учёного с явной неприязнью.

– Да потому же, почему и ты в свой Фатерлянд не сдвинул, – не смутился еврей. – И нечего на меня зверем смотреть. Ты, что, антисемит, что ли?

– Нет, — покачал головой Гюнтер. – Я лейтенант Бранденбургской космодесантной роты. И мне наплевать на твою национальность, если не струсил, когда дойдёт до дела. Но у меня, признаться, есть большие сомнения на этот счёт.

– Да ладно вам, – примирительно сказал Макс. – Мы тут все с разных конюшен, не стоит собачиться раньше времени.

Он откинулся на спинку кресла и сделал вид, что спит. На самом деле ему было не до сна. Рядом безмятежно похрапывал Алексей. Счастливчик, он мог спать в любых условиях. Мимходом прислушиваясь к разговорам «сослуживцев», майор Красников пытался сообразить – что им делать сейчас? Вариант с бегством на космических кораблях, вроде бы, как он понял, аналитиками рассматривался. Но дальше анализа дело не пошло – слишком мала была вероятность.

А реальной жизни, как известно, плевать на все аналитические расклады. И вот они с Лёхой летят неизвестно куда. Без средств межпланетной связи, между прочим. И куда их сейчас закинет, одному Богу известно.

– Внимание! – раздался от входа голос командира. – Привести кресла в положение для «прыжка»! Шевелись, мальчики, а то вас по стенкам размажет, как крем по галете!

Макс открыл глаза. Командовал капитан Старки, они познакомились уже на космодроме, когда держали оборону от сил Коалиции. Он показался ему неплохим парнем, разве что чересчур язвительным. Так обычно ведут себя люди, которые не в ладах с самим собой. Он поглядел на напарника. Лёха, продрал глаза, щёлкал сенсором переключателя. Кресло на глазах стало пухнуть, обволакивая сидящего. Через несколько секунд из того, что было креслом, виднелось только Лёхино лицо. Макс тяжело вздохнул и утопил жёлтую кнопку в подлокотнике кресла.

---

⁸ *O quam cito transit gloria mundi* (лат.) – Так проходит земная слава.

Сначала словно гигантская мягкая ладонь сдавило голову, вжимая её в спинку кресла. Потом добралась до рёбер, выдавливая воздух из лёгких и он, стал задыхаться. Перед глазами поплыли цветные пятна, а из них, неизвестно откуда, вдруг выступило суровое лицо старого индейца.

– Макс, Макс! Да приди ты в себя, мать моя женщина!

Он так и не почувствовал, когда Лёха, отключив «защиту», выдрал его из медленно сдвигающихся объятий кресла. Пара чувствительных оплеух заставила сжатые лёгкие судорожно втянуть в себя порцию воздуха. Ещё один, полный жгущей боли вдох. Меж разлепившихся ресниц пробился свет...

– Уф-ф! – с облегчением выдохнул Алексей, увидев, что товарищ открыл глаза. – Напугал, чёрт!

– Чего ты разорался? – язык во рту ворочался с трудом. – Хотя придавило лихо... Ещё чуть-чуть, и Богу бы душу отдал.

– Ещё бы! Мозг у их задрюпанного компа тумблер «Дур.» включил и на несколько кресел двойную норму атмосфер выдал. Хорошо, что твой аварийный сигнал сработал, а то бы ты с апостолом Петром сейчас в шашки резался. У троих, сигнал так и не вякнул – и всё, «двести».

– Ясно. Куда это нас занесло?

– Не знаю ещё, разберёмся.

...Они стояли возле космического корабля, оглядываясь по сторонам. Зелёная стена джунглей окружала чёрное пятно, выжженное дюзами при посадке. Влажный тропический воздух, наполненный незнакомыми запахами, вызывал лёгкое головокружение. Дышалось с трудом и тело под формой моментально взмокло, по спине и животу неприятно поползли струйки пота. Сержанты, наконец, кончили шептаться с капитаном Старки, который остался с ними за старшего.

– Значит, так, помидорчики, – сказал, подойдя, сержант Камински. – Выдвигаемся к месту, где будет разбит наш постоянный лагерь. Наш взвод идёт в голове. Движение в две колонны. В первой шеренге Макс и Гюнтер, во второй Лекс и Марк, будешь мне объяснять про всю живность, которую встретим в пути. Капитан Старки считает, что её здесь до хера. Прочие – произвольно. Становись!

Огромные стволы, отдалённо напоминающие земные пальмы, уходили на немыслимую высоту, где заканчивались метёлками перистых листьев. Между ними густо росли папоротниковидные то ли деревья, то ли кусты, высотой примерно вдвое пониже «пальмочек». Оплетая те и другие, по ним лезли, свиваясь в узлы и петли, местные лианы с кожисто-глянцевыми листьями размером с капустный.

Землю покрывали приземистые кустики, усаженные колючками, даже с виду грозившими большими неприятностями. И всё это вместе сливалось в плотную массу, через которую нужно было, в буквальном смысле слова, пробиваться.

– Интересно, как нам через это безобразие пролезть? – озадачился Макс, с почтением разглядывая глянцево блестящую колючку.

– Да, такого «ёжика» голой задницей не напугаешь, – сделал вывод Лёха, доставая свой нож и рубанул, по нахально торчавшим шипам.

Того, что произошло, не ожидал никто. Едва нож коснулся колючки, она мгновенно сложились, плотно прижавшись к материнской ветке и все остальные, что до того так угрожающе шиперились, убрались следом за первой. Худо-бедно, но теперь у них появилась возможность пробраться через эти заросли.

– Жаль, что моего соседа Вилли тут нет, вот бы кто от восторга вопил, – опечалился Марк. – Растения – это была его стихия.

– Он, видать, поумнее тебя был, – не удержался Гюнтер. – Раз вовремя свалить догадался.

– Нет. Его пьяный ниггер бутылкой ударил в висок, – Макс неожиданно вздохнул. – Я тогда первый раз в жизни с удовольствием смотрел, как наши ребята его за Вилли насмерть запинали.

Трёп, конечно, дело хорошее, но приказ никто не отменял – и они углубились во влажные буро-зелёные сумерки. Ноги утопали в сплошной подушке мхов и прелой листвы, приходилось остерегаться то и дело попадавших змей непривычного ярко-оранжевого цвета. Насколько эти твари ядовиты, они убедились почти сразу, когда спугнутый ими зверь, до жути напоминавший кабана, но имевший, кроме клыков, ещё и костяные шипы на загривке и хребте, выскочил из кустов и нарвался на такой вот «апельсин». Молниеносный бросок и зверь, пропахав по инерции целую борозду во мху, рухнул, уткнувшись мордой в ствол гигантской пальмы. Змея, сделав своё дело, спокойно свернулась рядом, не собираясь никуда уползть.

Марк, забыв обо всём на свете, срубил ветку куста и осторожно обследовал погибшее животное.

– Феноменально! Вы только посмотрите, мышцы стали совершенно мягкими и продолжают размягчаться. Это что-то сродни паучьего яда, растворяющего плоть в жидкую субстанцию. По аналогии, змея просто высосет содержимое из шкуры.

– Ничего себе! Они же и нас так могут «высосать», – сделал выводы Макс и стал с удвоенной осторожностью смотреть под ноги.

Следующая встреча с представителем животного мира не заставила себя долго ждать. Они не успели и десяти метров пройти, когда на них, сминая кусты, попёрло нечто, похожее на бегемота, затянутого в пластинчатую броню. Вот только из распахнутой пасти торчал ряд внушительных клыков, бегемоту не свойственных. И вместо коротких тумбообразных ног, у этого были лапы с крепкими когтями да длинный голый хвост. Автоматически выхватив оружие, идущие первыми дали по нему залп.

Бронированная тварь споткнулась и, взревев, завалилась на бок. Мечущийся в агонии хвост едва не достал стоящего первым сержанта. Из-под когтей в стороны полетели ошмётки земли и порванных растений.

– Милая зверушка, – оценил Камински и тут же рванул на истошные вопли чуть в стороне.

У подножия одного из папоротниковых деревьев извивались и бились человеческие фигуры, покрытые, словно живой шкурой, непонятными насекомыми. Лица и открытые участки кожи безобразно раздулись. Приглядевшись, Макс понял, что это от проникнувших под кожу тварей, пожиривших людей живьём. В нос и разъявленные от крика рты живой массой вливались всё новые и новые полчища. Лицо сержанта перекосило от отвращения.

Два импульса из «Штерна» прекратили мучения несчастных, огненные лучи выжгли остальную нечисть и само гнездо, оказавшееся в дупле ствола, под которым так неосторожно расположились перекурить солдаты. С момента нападения не прошло и пары минут.

Но и мёртвые тела продолжали корчиться на земле от проникших внутрь насекомых, вызывая у живых чувство омерзения. Вот один, а за ним ещё парочка, не выдержав, согнулись в три погибели и весь съеденный ими завтрак вылетел наружу. Ударило ещё несколько залпов и через минуту на месте трупов осталась только выжженная земля.

– Великое дело кремация, – процедил сквозь зубы Лёха.

– Ага. И неизвестность тоже возбуждает, – не остался в долгу Макс и ткнул в бок курившего рядом Гюнтера:

– Давай по маленькой опрокинем за упокой.

Тот кивнул и они по очереди приложились к фляжке, которую извлёк из кармана Макс. Они стояли, боясь присесть или прикоснуться к чему-нибудь, слушая, как Старки, связавшись с космолётом, докладывает о случившемся.

– Да, сэр!

– Слишком агрессивная внешняя среда, сэр!

Прилетевший через пару часов вертолёт принял всех на борт, и они уже с воздуха занялись поиском подходящего места для развёртывания лаборатории. После столь неудачного знакомства с местной живностью шастать по этим джунглям на своих двоих никому не хотелось. Особенно, когда один из пилотов проболтался, что вторая команда разведчиков напоролась на милые растения, вызывавшие полный паралич, трое пострадавших пополнили корабельный лазарет, а ещё двоих, ужаленных гигантскими шершнями, спасти так и не смогли.

Наконец, под брюхом геликоптера раскинулось открытое пространство. Совсем другое дело, тут нападающих будет, по крайней мере, видно. Место вполне подходящее и река с мутно-коричневой водой совсем рядом. Сообщив координаты, они приземлились на речной косе, перекусили, не выходя из салона, и попадали спать.

Разбудил их только лопочущий гул работающих винтов. Тяжело нагруженные вертолёты один за другим опускались неподалёку, выгружая людей и технику. Освободившись, они вновь устремлялись в небо и ложились на обратный курс. Ревя моторами, стронулись с места тягачи и бронетранспортёры и поползли в направлении леса. Взмыленные морпехи принимали безостановочно доставляемый по воздуху груз.

Когда прибыла ещё одна партия людей, пошла сборка корпусов из строительных блоков. Прямо на глазах вырастали стены зданий, возводились крыши и к закату солнца длинные корпуса новых казарм образовали замкнутый квадрат с лабораторией в центре.

...Наутро начались «большие гонки» по перетаскиванию оборудования в лабораторию.

– Что они такое набили в эти ящики? – Макс, пытаясь, пятился между высоких стеллажей. – Консервированные трепанги там, что ли?

– Почему трепанги? – удивился Марк, который, тяжело дыша, нёс другой конец ящика. – И почему именно консервированные?

– Я как-то грузчиком работал в магазине, – Макс, резко выдохнув, поднял ношу на грудь и задвинул её наверх. – Намучились мы тогда именно с этими трепангами.

– Вручную грузили? – поразился энтомолог. – У вас что там, каменный век?

– Да, ну! – отмахнулся Макс. – Просто хозяин был жлоб, экономил на всём. Ну, как здесь. Тоже вручную таскаем, и тоже всякую ерунду.

Он достал из кармана куртки сигареты и закурил. Марк, поморщившись, сделал шаг назад.

– Вы, что, не понимаете, как вреден никотин?

– Жить вообще вредно, от этого умирают.

Марк покосился на него. Станный народ эти русские. Он сам никогда не жил в России. Но его далёкие предки приехали именно оттуда. Потому, в семье Нобфлеров к России было традиционно тёплое отношение. Однако понять этих людей он не мог никогда. Они его одновременно восхищали и раздражали. В них всего было слишком – и безмерная отвага и спиртное совершенно дикими дозами.

Как-то раз, копаясь в архивах, он нашёл журнал издания XX века. В одной из статей рассказывалось про опрос американцев на тему «Правда и мифы о России». Результаты опроса насмешили его так, что он долго давился от хохота, ибо шуметь в библиотеке не полагалось.

В то, что в России медведи ходят по улицам, верило около семидесяти процентов населения, а в то, что русские пьют одеколон – не больше двадцати. Марк знал, конечно, об истинном положении вещей, всё-таки, его родители несколько раз ездили на родину предков, но наивность американцев вполне объяснима.

Когда-то, когда Марк ещё учился в лицее, его увлекла тема Гипербореи. И, чем больше он изучал первоисточники, тем больше убеждался, что достоверной информации об этой леген-

дарной стране нет – одни слухи. Причём, слухи, как и о русских, сплошь противоречивые. Поневоле поверишь, что арии – их далёкие предки.

– Ладно, – аккуратно потушив сигарету, вздохнул Макс. – Пошли дальше твоих трепангов таскать.

– Они не мои, – раздражённо буркнул Марк. – Я же энтомолог, а не ихтиолог.

– А в чём разница? – простодушно уставился на него русский.

Учёный страдальчески взвёл очи горе. О, боже, ну, как можно не знать таких простых вещей?

– Я энтомолог, я занимаюсь насекомыми, – терпеливо пояснил он. – Трепанги в море живут!

– Я, что, совсем, что ли? – обиделся Макс, – Они же морепродукты! Это каждый дурак знает. Морские насекомые!

– Они головоногие! – терпение без пяти минут академика стало опасно потрескивать, грозя вот-вот лопнуть. – А я энтомолог! Я занимаюсь только насекомыми!

– Значит, в ящиках, по-твоему, насекомые? – недоверчиво хмыкнул русский.

– Там биологический материал! – забыв про все подписки, брякнул Марк. – Личинки инсектоидов!

– Марк, ты сам-то понял, что сказал?

Его ухмылка окончательно вывела энтомолога из себя.

– Инсект – это насекомое! Здесь личинки генно-модифицированных богомолов. Представь богомола с тебя ростом, но с челюстями, как у термита-солдата! Ничего зверушка, а?

Сохраняя маску полного простодушия, Макс сделал вид, что представляет, но только пожал плечами.

– Только, смотри, никому об этом, – спохватился Марк, вспомнив, наконец, данную им кучу подписок о неразглашении.

– Могила, – заверил его опер, сохраняя самое серьёзное выражение лица. Внутри же он ржал, как лошадь Пржевальского.

То, что он хотел узнать, он узнал. Теперь можно было спокойно таскать ящики. Значит, инсектоиды, говорите.... Вот уроды! Он представил себе гигантского инсектоида со жвалами термита и «пилами» богомола, и ему стало не по себе. Такую зверушку остановить – это надо очень постараться. Теперь осталось узнать, с помощью чего они этими тварями «рулить» собираются. Ну, это уже, как говорится, дело техники.

...Ночью они дважды вскакивали по сигналу тревоги. Первый раз на территорию пытались проникнуть длинномордые твари, трусившие неровной цепочкой от джунглей. Их булькающий вой предупредил караул и, при свете вспыхнувших прожекторов, морпехи успели их рассмотреть во всём их уродстве.

Под короткой шерстью перекачивались мощные, как шатуны машины, мышцы, а стремительные движения сухих поджарых тел не оставляли сомнений, что это именно хищники, а для особо тупых убедительным аргументом служили саблевидные клыки.

На что они способны, было продемонстрировано, когда одна из особей попыталась достать караульного на наружной вышке наблюдения. Словно разжатая пружина, взвилось вверх тело хищника, оставив на досках настила две глубокие борозды от клыков.

Даже отсюда Макс мог разглядеть белое лицо солдата, шарахнувшегося на середину площадки и замершего там в столбняке. Повторить попытку помешали ударившие «штерны», предсмертный визг нескольких попавших под импульсы сородичей отогнал стаю подальше, но они настырно продолжали кружить вокруг.

– Умненькие. Смотри, как дистанцию держат, – дал оценку Марк. – Моментально нужную для выживания информацию переварили. Они ещё опаснее тех бегемотов будут.

– Эти шустрики, похоже, родственники нашим гиенам, только намного крупнее – я их на диске «National Geographic» видел. Только, у здешних морды узкие и длинные, – сказал кутивший в кулак морпех из соседней казармы.

– Многие здешние твари, как я заметил, имеют защитные панцири. А саблевидные клыки, скорее всего и приспособлены для добывания мяса из-под этой брони, – задумчиво сказал Марк.

Усилив караулы, дали отбой тревоги, и морпехи рассыпались по казармам досыпать. Теперь в затянутые москитной сеткой окна то и дело врвался свет от прожекторов, методично вспарывавших чернильную темноту по периметру лагеря. Очередной вопль тревожной сирены сбросил солдат с постелей уже на рассвете. Выскочив, они словно нырнули в белую муть густого тумана, видимость не превышала расстояния вытянутой руки, а дальше ни черта не видно. Зато хорошо было слышно рёв, от которого, казалось, вибрировал череп.

Такая глотка могла принадлежать только огромному хищнику, да и подрагивающая под ногами почва свидетельствовала о том же.

– Отец Игова, спаси и сохрани рабов твоих! – словно замороженный, Марк, вытаращив глаза, смотрел на видневшуюся в тумане тёмную массу неясных очертаний, нависшую над крышей казармы. – Этого не может быть!

– Отставить бормотание, Марк! – команда сержанта моментально вывела его из ступора. – Что за зверь?

– Ти-рекс, сэр! Динозавр, сэр! Самый крупный и опасный хищник, которые были на земле. Пока не вымерли.

Моментально вспомнился виденный в далёком детстве популярный фильм – «Парк юрского периода». Выпущенный в далёком XX веке, он и поныне был востребован у мальчишек. А здесь плывущая сквозь туман тень живого хищника, сотрясая почву, уже добралась до вышки. Вопль непереносимой боли и ужаса перекрыл визгливый рёв монстра. Они, словно зрители в театре теней, видели, как огромная голова твари заглатывала человеческое тело. Часовой то ли не выстрелил, то ли импульс не произвёл на хищника особого впечатления.

– Оружие к бою! Бейте ему в голову, мальчики! Огонь!

– Придётся и здесь их вымиранию поспособствовать, – оскалил зубы Лёха, утапливая спусковую тангенту. – Поупражняемся, пока «Гринпис» не видит.

Знавший его, как облупленного, Макс видел, что напарнику явно не по себе. А если совсем честно, то и у него при виде этого чудища зашевелился внутри первобытный ужас. Видимо, это заложено в каждом человеке на генном уровне с тех времён, когда для их предков такие встречи были не в диковинку.

Залп в три десятка стволов заставил тираннозавра с рёвом отдернуть голову и шагнуть вперёд. Затрещало ограждение. Но залпы импульсов, с шипением прожигавшие зубастый череп, «прожарили» ти-рекса до полной готовности. От рухнувшей на угол казармы туши крыша продавилась внутрь и стенные блоки поползли по швам, открыв опустевшие ряды коек. Дрогнула под ногами земля. Налетевший с реки ветерок снёс туман, и они смогли оглядеть поле боя. На всех четырёх наблюдательных вышках часовые отсутствовали, а сами сооружения были основательно повреждены.

– Господин сержант! – подскочил к Камински санитар. – Шестеро часовых с вышек сожраны, пятерых ранило обломками, двое умерли, предположительно от острой сердечной недостаточности и ещё у одного «крыша съехала». Требуется отправка в госпитальный отсек на корабле.

– Отправляй. Значит два помидорчика с перепугу до смерти обосрались, – скривился сержант. – Трупы сжечь! Хоронить их смысла нет. Всё равно какая-нибудь тварь раскопает и сожрёт.

Досыпать было недосуг. Предутреннее бдение многим показало, что здесь не расслабишься и позиции от таких вот непрошенных визитёров надо укреплять всерьёз. Наскоро позавтракав, весь личный состав был выгнан для натяжки вокруг базы ограждения из высоковольтного провода.

После обеда, когда влажная жара стала непереносимой, дали час для отдыха и взмыленные солдаты разбрелись, ища тень. Многие попадали спать, добирая упущенное ночью. Иные, убравшись с солнечного пекла в казармы, развлекались в меру своих возможностей, достав карты или кости. Кое-кто решил освежиться на речке, несмотря на попытки Марка и санитара остановить их.

– Это опасно! Не стоит соваться в реку, пока она не проверена!

– Вот мы её сейчас и проверим, – отмахнулся рыжий крепыш, поигрывая цепочкой с солдатским медальоном.

Под одобрительный хохот приятелей они подались к берегу и, скинув на вездесущий мох «комки», рванули по песочку в воду. А санитар с Марком побежали к сержанту. Тот, не раздумывая, запрыгнул в джип и, прихватив их с собой, погнал машину к реке, в которой радостно бултыхались купальщики.

– Всем на берег! К казармам бегом! – рывкнул Камински.

Солдаты, пулей выскочив на сушу подхватили форму и побежали, исподтишка грозя кулаками «сдавшему» их Марку. Вот только привести угрозу в исполнение не получилось. Не пробежав и половины расстояния, один из купальщиков дико завопил и закрутился на месте. По его ногам, из-под трусов, потекли алые струйки крови. Сделав несколько шагов, он упал, сотрясаемый конвульсиями. Выскочивший санитар с Марком содрали с него мокрые от крови трусы.

В анальном отверстии мерзко шевелилась какая-то тварь. Санитар, натянув резиновые перчатки, уцепил её и потянул. Новый вопль резанул уши, но тварь, всё-таки отцепилась, и её удалось вытащить.

Пока останавливали кровотечение, Марк с сержантом разглядывали извивающуюся дрянь. Толщиной с авторучку и сантиметров пятнадцати длиной, с одного конца она имела крючки-зацепы, обрамлявшие отверстие. Сунув в него спичку, они убедились в наличии там острейших режущих пластин.

– Что скажешь?

– Я в этом не специалист, но думаю, что, проникнув в организм и закрепившись, пластины выдвигаются наружу и действуют как фреза.

Уложив пострадавшего в джип, они добрались до казарм. Остальных купальщиков, тех, что пробежались босыми ногами по песочку, к вечеру пришлось оперировать, удаляя проникших под кожу местных паразитов.

... Через восемь дней, потеряв около трёх десятков солдат и забив корабельный лазарет ранеными, они покинули планету, прозванную ими Зелёным Адом. Агрессивность её флоры и фауны была признана аналитиками чрезмерной. Тем более, что в этой же планетной системе их разведчики обнаружили пару планет с идеальными для проживания природными параметрами. Правда, на обоих имелись цивилизации, но кого теперь волновали такие мелочи?

Только в пути выяснилось, что один крейсер с экипажем так и остался на планете. Ровная с виду площадка просела, перекосив корабль до такой степени, что взлёт стал невозможен.

– Сто с лишним солдат выбросили, как сраных котов на помойку, – хмуро бросил Камински и глотнув из фляги виски, вернул её Старки. – И нас кинут, не задумываясь.

– Угу. Этих сегодня, а нас чуть позже, – кивнул тот.

Глава 6. Дива с сюрпризами

В столовой новоявленный лощман застал всю дружину в полном составе. По правую руку от Ипполита восседал его помощник, Битон угрюмо поглядывал на своего соперника, сидящего напротив. Нарад без раздумий плюхнулся рядом с охранником и кинул в рот горстку подсолённых сухариков. Стряпуха непременно выставляла их на стол в большой мисе.

– Ну, что, лощман? – встретил его вопросом Бастак. – Как наша «дорожка» поживает?

– А чего ей сделается? – вопросом на вопрос ответил Нарад, пронирая чашку с горячим душистым напитком из рук Гиперохи.

– Так, вот, я и говорю, – продолжил скит речь, прерванную появлением лощмана. – Арии в своей гордыне последний ум растеряли. Давно следует с гиперборейцами помириться, а они, вишь, гонор свой превыше всего держат. А случись, не приведи Табити⁹, свара, чем арии будут защищаться?

Государство ариев носило название Туле. Нарад помнил, что в незапамятные времена часть ариев, не желавшая принимать веками освящённые правила, были изгнаны за Заповедные Земли, где организовали собственное государство и дали ему имя Гиперборея. Так, согласно легендам, все народы мира звали тот Туле, которая была до Исхода. Нарад никогда особо не вникал, что именно тогда не поделили арии с теми ариями, которые стали звать себя гиперборейцами. Законы и обычаи Туле священны и незыблемы, это он впитал с молоком матери. Тем более, что никакой неприязни по отношению к гиперборейцам в обществе не культивировалось. Скорее воспринимали с оттенком лёгкой жалости, как к неразумным детям.

Те, в свою очередь, по отношению к бывшей родине никогда агрессии не высказывали. Поддерживали вежливые такие, ни к чему особо не обязывающие отношения. Вели обмен и торговлю, обменивались грамотками. Но и только.

– Чем вам опять арии не угодили? – усмехнулся он, пользуясь случаем «куснуть» заносчивого помощника. – Арии, значит, дураки, что заветам Мудрых следуют, а гиперборейцы молодцы, что на них плюют?

И оглянулся на остальных, рассчитывая на поддержку. Но Ипполит с Битоном только усмехнулись, словно отрок сморозил какую-то глупость. Даже Гипероха, до смерти не любящая споров, отвела глаза.

– Не всё так просто, Нарад, – мягко сказала она, как бы извиняясь перед отроком за то, что мир сложнее, чем его представления о нём.

– Мне? Да всем угодили, – оскалил белые зубы Бастак, довольный лёгкой растерянностью неожиданного оппонента. – Я тоже так думал сначала, а потом меня один умный человек вразумил. Хочешь, и я тебя уму-разуму научу?

Он смотрел с явной подначкой. Первым побуждением отрока было послать его к навьям, но он сообразил, что хитрый скит только этого и ждёт.

– Отчего нет? – с деланным равнодушием отозвался он. – Знание плечи не тянет, научи, сделай милость.

– Ты никогда не задумывался, почему мы летаем на тех же виманах и гарунах, что нам оставили Мудрые? Почему, кроме порубежников, никому не разрешено пользоваться оружием? Меня ни один космопорт не примет, если печать на пульте нарушена будет. Если даже вопрос жизни и смерти встанет, я кучу грамот испишу, пока отмоюсь.

– А зачем нам оружие, если нам не с кем воевать? – пожал плечами Нарад. – И потом, всех нас учат обращаться с оружием.

Бастак захохотал, откинув голову назад.

---

⁹ Табити – скифская богиня.

– Лощман, чему можно научить человека за одну седмицу? Да года через три он не вспомнит, за какой конец самострела нужно братья при стрельбе!

Нарад усмехнулся.

– Да кто ж на нас напасть посмеет? У нас наука выше всех!

– Выше кого?

Простой вопрос застал лощмана врасплох. А, действительно, выше кого? Гипербореев? Да нет, уровень развития у них тот же. Даже, говорят, ещё что-то своё изобретают. Надо же, стоит по-новому задуматься над тем, что известно каждому, как оказываешься в тупике. Он даже разозлился.

– Ты что, хочешь сказать, что гиперборей войны с нами хотят начать?!

– Да при чём тут они? – слегка удивился Бастак, – Ты знаешь, что космос обитаем? Да здесь кого только нет!

– Ага, кругом враги, – иронически усмехнулся Нарад. – Был у нас в истории какой-то чудак. До сих пор про него побасёнки ходят.

Побаски на Арктиде ходили про кормчего Боруса, который требовал создания специальных дружин для отражения инопланетного вторжения. Кончилось это тем, что Ведающие Лекари отстранили его от космических полётов.

– Молодой, – снисходительно улыбнулся Бастак и, легко поднявшись, вышел из столовой.

...– Привет!

Нарад подтянул бак ближе к решётке и, пока пленник чавкал мясом, впервые смог рассмотреть его спокойно. Чего греха таить, прежде мешал спящий в подсознании древний ужас, доставшийся от предков. Да и сам аспид, метавшийся по клетке в полутёмном помещении, был неудобным объектом для исследования. А ведь он был по-своему красив, какой-то своей, необычной дикой красотой. Мощные чешуйчатые пластины мельчали к брюху и, словно причудливая кольчуга, покрывали мощное тело. Складываясь в затейливый рисунок, они матово поблескивали в полутёмной клетке.

От головы к хребту спускался зубчатый костяной гребень, но он был сложен и, плотно прилегая к пластинам, смотрелся, как неровный нарост, несколько не мешая движению гибкой шеи. Возле лопаток выделялась ещё пара бугров непонятного назначения, мускулистые лапы с внушительными когтями и длинный хвост довершали облик.

При всей своей громадности, змей не вызывал ощущения неподъёмного тихохода. Скорее, наоборот, движения были легки и грациозны. Нарад невольно вспомнил упругость и лёгкость, пришедшие к нему во время утреннего контакта с аспидом, когда он словно бы влез в его тело.

– Поел? Ну и на здоровье!

Он привычно перевернул опустевший бак и уселся прямо возле прутьев решётки, совершенно забыв о своём прежнем страхе. Змей, приблизив морду, осторожно тронул его руку своими острыми зубами, словно давая понять миролюбивость своих намерений.

По руке скользнул раздвоенный язык, оказавшийся на ощупь удивительно похожим на собачий. Прикосновения отвращения не вызывали, просто было немного щекотно. Спустя секунду такому же обследованию подверглось и лицо. Дыхнув горячим воздухом, аспид положил голову на лапы, глядя из-под прищуренных век, словно ждал чего-то.

– Что, брат змей, тоскливо? Я ведь тоже здесь пленник. Вся разница, что тебя взяли с боем, а меня бесчувственного приволокли. Тебя здесь держат, а у меня клетка наверху.

Змей внимал ему, не мигая. Только при упоминании о плене когти скрежетнули по металлу, да нервно дёрнулся хвост.

– Я им направление рассчитал, но совсем на другую планету. Сглотнули, не жуя. Их там две одинаковых. Вот и подсунул им вместо обжитой совершенно не обследованную. Развед-

чики, когда её открыли, только и указали в описании, что по флоре и фауне она подобна нашей. Но её разработкой никто пока не занимался. Когда тати обман обнаружат, они мне головёнку обязательно свернут. Если, конечно, вовремя не удрать. Может, ты что присоветуешь?

Глаз дракона прикрыла кожистая плёнка. Нарад подумал, что змей попросту уснул и вздохнул. Эх, нашёл, с кем советоваться, дурень. Сплюнув, он стал подниматься, но острый коготь аспида моментально прищемил его одежду к решётке, не давая отойти. Оба глаза, уже открытые, пристально уставились парню в лицо, и сознание словно поплыло.

Сколько длилась их связь, Нарад не понял, но отлично уловил, что ему следует сделать и... это ему очень понравилось. От избытка накотившего азарта и в благодарность за подсказку он сунул руку меж прутьев и почесал змею небольшое углубление на голове. Как раз там, где начинался гребень и лапа достать не могла.

Из распахнувшейся пасти, полной острейших клыков, неожиданно вырвался мелодичный звук. Он плыл, поражая чистотой звучания, переливался и звенел, как вода лесного родника. Это было нечто невероятное и неподражаемое. Рука невольно опустилась и звук словно растаял. Наверху послышался топот и по лестнице ссыпался запыхавшийся Битон.

– Это аспид? Невероятно! Мой дед сказывал, что услышать его пение считается величайшей удачей! Но как?..

– Откуда мне знать, что на него нашло. Возьми да сам у него поинтересуйся.

...«Аргус» делал положенный для каждого судна виток над планетой, плотно закрытой облаками. Шёл выбор подходящей площадки и подготовка к посадке. К удивлению Нарада, кормчий Ипполит, не обратил внимания на высвеченные дисплеем незнакомые очертания материков и океана, словно так оно и должно было быть. Помощник, при всей его подозрительности и дотошности, тоже ни слова не сказал, на «неурочное» присутствие лоцмана.

Тут, видимо, сработал аспид. С его же подачи, Битон, в чьих руках находился ключ от клетки, при очередной уборке забыл его в замке. Пока, вроде, всё шло по намеченному ими плану. Нарад, просунув в приоткрытую дверь клетки шланг, смыл струёй воды нечистоты и закончив работу, стал его сворачивать. Охранник, привычно нацепив замок, задумчиво почесал голову и кивнув отроку, подался вверх, так и не замкнув клетку. Подмигнув сообщнику, Нарад тихонько снял замок с петель, положил его на пол и подался следом, тактично умолчав о сделанном упущении.

Посадка была мягкой, но в смотровые оконца ничего разглядеть было невозможно. Густой туман, словно толстым одеялом, укутывал всё вокруг. Бортовой вычислитель мелодичным женским голосом доложил, что на пару вёрст вокруг все чисто и жизни экипажа ничего не угрожает. Дисплей высвечивал только густую растительность в виде леса вокруг.

– Нас-таки хорошо кувыркнуло, это не Тартар, – пробурчал Ипполит, глянув на своего помощника. – Как ты только умудрился прохлопать это дело?

– Сам не ведаю, как мог обмишкулиться, – вид у Бастака был растерянным. – Видать, морок нашёл. Что делать будем?

– Готовьтесь на выход! Пока разведаем, куда нас нечистая занесла, а дальше посмотрим.

Вглядываясь в открывшийся перед ним неведомый мир, Нарад грустно размышлял. Ну, не дал он татам ходу в нужное им место, а дальше-то что? Ему бы извернуться да обратно домой попасть, а так получается ни рыба, ни мясо. По лёгкому покалыванию в висках он сообразил, что его зовёт к себе проголодавшийся змей. Оторвавшись от невесёлых дум, подался вниз, где от нетерпения шипел аспид.

– Ты, отрок, тоже с нами пойдёшь, – заглянув вниз и отметив новшество в кормлении, приказал Ипполит.

И вот, они стоят в лёгких космических латах перед герметичной дверью. У каждого в руках самострел, на поясах примкнуты ножны, автоматическая аптечка и контейнер с НЗ.

Обычный набор для выхода на неагрессивную планету. С неприятным чмоканьем дверь, наконец, открылась. Уши наполнил шорох листвы и тихое бормотание воды, бегущей где-то поблизости. Ко всему этому примешивались какие-то неясные звуки здешнего бытия.

Держа оружие наготове, они спустились по трапу на изрядно выжженную при посадке землю. Головным шёл Бастак, его несуетливо-плавные движения и звериная настороженность хищника, готового в любой момент вступить в схватку, выдавали немалый опыт в подобного рода делах. Одно неуловимое глазу движение и фигура его словно растаяла в белой мути, через пару минут возникнув вновь. И только один отрок заметил, как в этот короткий отрезок времени неслышной тенью скользнувший по трапу аспид растворился в тумане.

– Возвращаемся! В таком «молоке» нас нечистая невесть куда уведёт, – распорядился кормчий после отчёта помощника. – Подождём, когда эта белая дрянь рассосётся.

Взойдя на виману, они увидели мчавшегося им навстречу Битона.

– Аспид сбежал! Я всю виману проверил, его нигде нет!

– Тьфу! Этого нам только не хватало! Теперь ещё и без товара остались, а на него заказ был, – Ипполит злобно сплюнул себе под ноги. – Вылавливай его теперь.

За обедом все угрюмо помалкивали. Не чувствуя вкуса, хлебали похлёбку, в молчании пили поданный стряпухой мёд. Первым не выдержал помощник и уставившись злыми глазами на Битона, зловеще спросил:

– Ну, рассказывай, дурак здоровый. Как ты зверюгу упустить сподобился? Ключ только у тебя был. Или по обыкновению, возле Гиперохи отирался?

Последовавшие затем объяснения, взаимные обвинения и разборки словно взорвали маленький мирок татей. Не стерпела напраслины и острая на язычок стряпуха, изрядно подлившая масла в огонь. Битона, попробовавшего было махать кулаками, помощник «успокоил» коротким тычком, не размениваясь на банальную драку. Дальнейшие «прения» ударом кулака о стол прекратил кормчий. Нарад помалкивал и не вмешивался – его дело маленькое.

...Следующее утро встретило людей безоблачным небом, которое, в отличие от привычной синевы, отливало сиреневой гаммой. Последние белесые клочья утягивали свои щупальца под густую крону листвы и оседали мелкой росой на схожей с папоротником траве. Успокоенная после их вчерашней посадки живность повылезала из своих потаёнок и занялась привычной жизнью. В тёплом воздухе порхали, сверкая яркими цветами, разнообразные бабочки, под ногами жужжали, шелестели и ползали насекомые самых причудливых видов – мечта любого коллекционера. В густой листве, среди обвивающих стволы лиан, возились и щебетали незнакомыми голосами птицы.

Отодвигая свисавшие ветви, они вот уже час, как шагали по зеленовато-золотистым зарослям здешнего леса в поисках сбежавшего асида. А он был совсем рядом, неслышной тенью скользя меж ветвей обок отряда. Нарад чувствовал его присутствие по лёгкому покалыванию в висках, но смог только мысленно предупредить змея, что на сей раз, если не получится накинуть парализующую сеть, его решили просто пристрелить.

Шкура и кости змея на чёрном рынке тоже стоили немалых тысяч кун и спрос на них превышал предложение. Слишком уж редким был товар.

...Остановившись на небольшой прогалине, они расположились привалом, раздув крошечный костерок из сухих веток, в изобилии валявшихся под ногами. На доброе кострище тратиться не стоило из-за короткого времени на отдых. Но всякий путник знает, что дорожную сухую пищу лучше запивать горячим мёдом, чем холодной водой. Потому у их ног плясали язычки пламени, не дававшие дыма и почти прозрачные в свете дня. Перекусив и прикрыв прогоревшие уголья влажной дерниной, они отдыхали.

Прислонившись к шершавому и довольно охватистому стволу, Нарад даже придремал, когда в висках запульсировало тревожным набатом. Словно в дымке тумана, перед сознанием мелькнули крадущиеся меж стволов фигуры вооружённых чем-то людей. А впереди них, ловя ноздрями воздух и почти стелясь по земле, рвалась на поводке животное, весьма напоминавшая внешним видом пса или волка.

Это аспид по-своему предупреждал его о грозящей опасности! И ещё не полностью проснувшись, Нарад вцепился в руку дремавшего рядом Бастака. На недоумённый взгляд распахнутых глаз, подал условный жест сигнала тревоги. Толчок ноги и откатившийся кормчий уже распластался за изогнутым стволом, держа в руке готовое к стрельбе оружие. Под рукой помощника, в довесок к самострелу, лежала и парализующая сеть. А у него из оружия только тесак, верёвка и коротенькое копье с широким наконечником. Весьма небогато для таких встреч.

Правда, разрешив ему взять копье, никто из татей и помыслить не мог, что по части попадания им в цель Нарад был один из сильнейших мастеров. Его дед был прославленным метателем, и внука своего с малых лет гонял в обучении без всяких поблажек, а отец, глядя на это, только одобрительно посмеивался. Парень понимал, что в первую очередь им нужно избавиться от идущего по следу пса. Не зря аспид выделил его вспышкой алого цвета, теперь Нараду предстояло остановить его бег навечно. Ни жалости, ни колебаний в его душе при этом не возникло.

Он всё-таки успел сообразить, что змей почуял в крадущихся людях нечто более опасное, чем в шедших на его поимку татях. И потому предупреждал через него остальных своих преследователей о грозящей им серьёзной опасности, отринув на время личную вражду. Дрогнувшая ветвь и еле хрустнувшая веточка под неосторожно ступившей ногой выдали присутствие чужаков. Никого не углядев на прогалине, незнакомцы выскочили на открытое пространство, влекомые повизгивавшей от нетерпения животинной. И попались.

Троих накрыла сеть и они, конвульсивно дёрнувшись, неподвижно распластались на траве. Двоих сняли из самострелов и выхватив тесаки, сцепились с тремя уцелевшими пришельцами. Супостаты, отпрыгнув назад, как по команде, выхватили из-за спины странного вида самострелы. С шипением из них вырвались два алых луча. Один из них впился прямо в грудь Кормчего, на волосок не доставшего врага в прыжке.

Но Бастака было не так-то просто уложить. Кувырком уйдя под смертельный луч, он оказался между двумя противниками. Прыгнув к ближайшему, он полоснул его по горлу. Повернув его вокруг себя, второй луч принял на мёртвое тело, вздрогнувшее последний раз, и, толкнув его на противника, прыгнул следом. Пошатнувшись, агрессор только поднимал своё страшное оружие, когда левая рука скита пригнула его к земле. Шипящая смерть поразила траву, а нож Бастака вонзился в шею врага по самый черен.

На Арктиде с незапамятных времён существовал категорический императив на любые технологии, связанные с оружием. Меч, копье, самострел и нож почти полностью исчерпывали список личного оружия. Не желая повторять ошибок прошлого, Мудрые наложили этот запрет раз и навсегда. Что-то, впрочем, было у порубежников. Так, на всякий случай. Но никто не помнил, чтобы с этого оружия хоть раз снимались печати. Гипербореицы, как утверждали слухи, тоже что-то такое ставили на свои гаруны. Но что именно — тоже никто толком не знал.

Вот Битону отчаянно не повезло. Броском ножа он сразу уложил нападавшего, но тот, падая, нашёл всё-таки силы поднять своё диковинное оружие. Ударил алый луч и охранник свалился замертво рядом с врагом. Последний раз шевельнулись губы, и стекленеющие глаза уставились в чужое сиреневое небо.

Тем временем Нарад, с одного броска уложивший ищейку, оказался чуть в стороне от общей схватки, где на него и надел хозяин диковинного пса. Видя перед собой не битого

боями мужа, а молодого парнишку, убившего его любимца, тот решил взять его живьём. Но малец оказался не по годам шустрым.

Ускользая от ударов и захватов, Нарад всё дальше отступал за стволы деревьев. И тут из-за густого кустарника беззвучно возник аспид. В другое время он бы им просто залюбовался. Развёрнутый зубчатый гребень угрожающе поднят, узоры на шкуре, сменившие бурый цвет на золотисто-алый, словно ожившие струи, перетекали один в другой. Из разверзшейся пасти ударила струя огня и его супротивник, дико заорав, живым факелом покатился по траве, где и застыл догорающей головёшкой.

Изрядно побледневший Нарад, морщась от вони горелого мяса, подошёл к змею и благодарно хлопнул по костяной пластине. В ответ был немедленно схвачен за ногу и подброшен в воздух. Упасть ему аспид не позволил и, ловко поймав, аккуратно поставил на ноги. Раздвоенный язык щекотнул ухо и голова змея уютно пристроилась на плече. В тот же миг в голове вспыхнули и поплыли живые картинки – змей спешил поделиться с ним полученной информацией.

Подняв оружие бывшего владельца зверя, он вернулся на прогалину, где Бастак, успев собрать оружие убитых, стаскивал сеть с обездвиженных пленников. К слову сказать, при сшибке уцелел только один из них и теперь, приходя в себя, слабо ворочался. Парочке его приятелей досталось от своих же. Оба выпущенные по кормчему заряду нашли свои цели – свалив Ипполита и попав в лежащих под сетью. Один был убит наповал, второй тяжело ранен, третий уцелел и теперь пытался дотянуться до отлетевшего оружия. Скит тут же милосердно помог ему и его товарищу оставить этот бранный мир.

Заметив выходящего из-за деревьев Нарада, помощник окинул одобрительным взглядом его трофеи и угрюмо воззрился на отрока.

– И кто, по-твоему, эти стрелки? – он указал на необычное оружие и одежду покойников. – Я многое повидал за свою жизнь, но такого ни на одной из наших планет нет. Это чужаки.

И впрямь, зеленоватая ткань с пятнистыми разводами выглядела весьма чужеродной. Нарад машинально отметил, как хорошо она сливалась с окружающей растительностью, делая человека в ней почти невидимым. Многочисленные карманы, нашитые даже на штаны и рукава, были набиты всевозможными предметами, столь необходимыми в дороге: от тонкого шнура до прессованных плиток незнакомой еды. Да, и походные мешки у них на отличку. В один из них Бастак и паковал снятую с ближайшего покойника амуницию, со всем её содержанием.

– Ты всё ещё думаешь, что ариям воевать не с кем?

– Теперь не думаю, – коротко отозвался Нарад.

– Надо порубежников предупредить, – сухо сказал Бастак и тряхнул мешком. – А это мы им для наглядности представим.

Они перенесли кормчего и Битона под сень дерева, где отдыхали до нападения. Срезая в сторонке пласты дернины, обкладывали тела погибших, пока над ними не получился высокий холмик. Помолчали, отдавая дань памяти усопших, но время работало против них, напоминая живым о делах насущных. Медлить им точно не следовало.

– Чуть не забыл, – закидывая лямки чужого мешка себе на плечи, Бастак, обернулся к Нараду. – Как это ты умудрился их раньше нас почуять?

– А это не я. Аспид упредил, – не стал юлить парень и, видя его озадаченное лицо, пояснил:

– Он в них такую опасность почуял, что мы ему, вроде как даже своими стали. Аспид мне шипит, что они вообще из другого космоса к нам пришли. Чует он это, что ли....

– Стоп, паря! Это, как же он всё тебе разъяснить сумел? Или ты их змеиный язык понимаешь? – прищурился скит.

– Да он мне напрямую, через мозг, живые картины показывает. Ничего необычного, если вдуматься. Вроде, как на экране дисплея цветное изображение выводит.

– Возвращаемся на виману. Зови своего Аспида... теперь уже не судьба ему проданным быть.

– Ага. А ты его за то сеточкой или из самострела попотчешь, – не поверил отрок.

– Дурак. Сеточке той кирдык пришёл и не о кунах теперь думать надо. Беда, она одна на всех одинаково навалится. Змей правильно рассудил, – разозлился Бастак. – Тут на кон вся наша планета поставлена.

И Нарад, впервые после их нелюбезного знакомства, поверил ему. Да, и его подзащитный, мысленно присутствовавший при разговоре, выдал нечто вроде тёплой волны удовольствия. Они чуть не бегом поспешили к вимане. Змей негласно сопровождал их до самого места.

Глава 7. Наперегонки со смертью

Подходя к вимане, они увидели, что их опередили. У небранного трапа стояло несколько стрелков. На них была такая же форма, как и на тех, с которыми они только что схватились.

Притаившись за кустами, они наблюдали за действиями захватчиков. Один из пришлых, держа перед собою какой-то блестящий предмет, через переговорник общался с Гиперохой, запершейся в вимане. Судя по мягким, почти ласковым интонациям, он пытался убедить стряпуху, что ему вместе с подручными просто позарез нужно подняться на борт, а она не должна бояться открыть вход.

Детский лепет на лужайке, да и только. Он что, за блажную её принимает, или пытается какой морок навести своей штучкой? Это ж до чего оскудоумиться надо, чтобы ломиться в «святая святых» любого космолётчика. Кто же добровольно пустит на свой корабль вооружённого чужака? Ведь для очень многих из них вимана являлась единственным в жизни домом. Судя по его недовольному виду, мероприятие не очень-то удавалось. Остальные четверо расположились по периметру, насторожив оружие в разные стороны.

Один из них, весьма упитанный, с лоснящейся мордой, нагло расположился возле ступеней их трапа, контролируя выход. Стрелков было всего пятеро, но их позиция не давала ни малейшего шанса нападающим. Они расположились по периметру, насторожив оружие в разные стороны.

– Умело стоят, – прошептал Бастак. – С ходу не прыгнешь. Порежут своими лучами. Что думаешь?

То, что бывалый воин советовался с ним, как с равным, польстило Нарад. Даже неприязнь к помощнику пропала куда-то. Но что предложить – он не знал. Бастак был прав. Враги полностью контролировали обстановку. В висках привычно закололо. Приняв от аспиды информацию о том, что других стрелков вокруг нет, Нарад вдруг сообразил, как подобраться к чуткому врагу.

– Ты чего глаза вылупил? – раздражённо прошипел Бастак, не дождавшись ответа.

– Погоди, – отмахнулся отрок, продолжая мысленный диалог со змеем.

Уточнив последние детали, он повернулся к скиту.

– Сейчас аспид их пуганёт. Из самострелов бьём наповал. Я – того, что у трапа. Ты – того, что рядом с ним, справа. И, пока не опомнились, ты левого, я правого, А с тем, что коробочкой шурудит, Аспид сам разберётся.

Бастак, за пару секунд прокрутив в голове ситуацию, скупно кивнул и взвёл самострел. Отрок, в свою очередь, взял на прицел толстяка, торчащего у трапа виманы.

– Давай! – мысленно крикнул он аспиду.

И змей «дал». Сначала из-за деревьев, с другого конца поляны, раздался такой рёв, что Нарад невольно вздрогнул. А уж захватчики, так те просто подскочили на месте. Даже то обстоятельство, что двое из них опрокинулись навзничь, поражённые стрелами, до их сознания дошло не сразу. В ту же секунду ещё две стрелы нашли свои цели. Тот, что уговаривал стряпуху, выронил всё, что держал, схватился руками за голову и крутнувшись на месте, с болезненным воплем рухнул. Видать, получил удар именно по мозгам.

Бастак и Нарад что было духу рванули к вимане, подхватывая из безжизненных рук ненужное их бывшим владельцам оружие. С другой стороны к ним устремился Аспид, уда-ром хвоста добив оглушённого им врага. На одном дыхании взлетели по трапу к приветливо распахнувшемуся входу – стряпуха тоже не дремала, отслеживая ситуацию изнутри. Радостно выскочившая им навстречу Гипероха, увидев змея, испуганно обмерла. Но, поскольку муж-чины воспринимали Аспиды безо всякой опаски, она, всхлипывая, повисла на шее Бастака.

За пару минут до появления чужаков сработал сигнал тревоги и Гипероха, нажав тумблер, заблокировала вход. Только вот трап забыла убрать. Наблюдая в экранах все действия захватчиков, стряпуха успела себе вообразить, что всех членов их команды уже убили, оставив её коротать свой век в полном одиночестве на чужой планете. И чуть не завопила от радости, увидев столь скорую гибель настырных вражин.

– Не бойся, это ж наш Аспид, – погладил её по голове Бастак. – Помог он нам маленько. Успокойся!

– А где остальные? – спросила она с тревогой.

– Убиты, – коротко ответил скит. – Лощман, не стой, раскрыв рот. Нужно быстрее отсюда ноги уносить.

В темпе скинув добычу, отрок бросился к пультам.

– А это-то зачем приволокли? – с любопытством глядя на сваленное в кучу оружие, спросила Гипероха, быстро оправившись от пережитого. – Нам только эдакой дряни здесь не хватало!

– Покажем, кому положено, пусть разбираются, – ответил Бастак.

– Тогда и у того, что со мной говорил, пошарить нужно. Коробочку он в руках держал непонятную. Как её на виману наставил – у меня голова совсем очумелой стала, так и подмывало вход на виману ему открыть. Только тем и удержалась, что наказ кормчего помнила: «Никому и ни под каким предлогом не открывать!».

– И впрямь чудно. Лощман, покарауль с самострелом. Пойду, поищу.

Искать долго не пришлось. Выскочив наружу, он сразу наткнулся на металлически поблескивавшую коробочку, что так и осталась лежать на выжженной почве, выпав из ладони владельца. Сцапав её, Бастак без задержки нырнул в виману и, подняв трап, перевёл тумблер на полётную блокировку входа.

Свою добычу он определил в сундук покойного кормчего и поднялся в рубку, где Нарад настраивал вычислитель для взлёта. Новый кормчий кивнул, давая «Добро» на взлёт и Нарад решительно нажал кнопку запуска. Судно слегка дрогнуло, плавно оторвалось от земли и, набирая высоту, рвануло в небо, оставляя за бортом негостеприимную планету Диву.

...Вимана стремительно удалялась прочь от Дивы, беря курс на родное Светило. За прошедшие сутки, каждый немного свыкся с отсутствием прежнего Кормчего, а к новому привыкать не требовалось. Аспид, не возжелавший более обитать внизу, самостоятельно перебрался в облюбованную им каюту Битона и сделав набег в душевую, долго благодумствовал под хлещущими струйками воды. Благо, что вода, проходя очистку, вновь возвращалась в тот же резервуар. Иначе он мог оставить остальных без капли воды до ближайшей посадки, где её можно было восполнить.

Бастак и Нарад сидели в креслах, бездумно глядя на усыпанное звёздами чёрное небо. Нежно-сиреневая Дива уже уменьшилась до размеров детского мячика.

– Слушай, Бастак, – не выдержал молчания отрок. – А ты не боишься к порубежникам сам обращаться? Ты же тать.

Этот вопрос занимал его с самого начала. Решение скита его устраивало, как нельзя более. Но та лёгкость, с какой его озвучил помощник, настораживала.

– Боишься, что выкину в космосе? – оскалил тот в усмешке крепкие зубы.

– Кто тебя знает, – ворчливо отозвался Нарад.

Но не верилось ему почему-то в такое коварство. Огрызнулся так, скорее, для порядка.

– Запомни, последний раз говорю. У нас, у скитов, нет ничего дороже чести. Если моей стране грозит беда, а я останусь в стороне, я потеряю честь. Понял?

Нарад почесал в затылке.

– Вот, интересно, а как это всё увязывается с вашими несправедливыми барышами?

Бастак хмыкнул.

– Да никак не увязывается! Барыш, он и есть барыш. Сходи лучше в столовую, принеси сбитня. Чего смотришь? Теперь, по Правде, я Кормчий. Так что впереёд, отрок.

Нехотя поднявшись, Нарад поплёлся за сбитнем. Войдя в столовую, он замер в изумлении. Гипероха с рук кормила кусками мяса аспид, который лежал перед ней, вытянув шею и не переставая громко чавкать, очень музыкально урчал. Прямо, как кот, которому чешут за ушком. С поправкой, разве что, на тональность. Урчание змея сильно напоминало перебор нежных струн арфы. То обстоятельство, что он при этом занимал почти всё помещение, оба игнорировали.

– О, как! – не удержался он от восклицания, пробираясь вдоль стеночки к полке, где в зажимах покоился ряд кружек.

Аспид, мельком глянув на спасителя, снова впери́л в стряпуху влюблённый немигающий взор.

– Жалко его, тварь бессловесную, – смутилась женщина. – Опять же, выручил он нас, как ни крути.

– Да корми ты, на здоровье, разве я против? – засмеялся отрок. – А нам сбитня налей, будь ласкова, и гляди, чтобы он тут не лопнул.

Аспид прореагировал на шутку неприятным шипением.

– Смотри ты, шуток не понимает.

– Серьёзный! – засмеялась Гипероха и вдруг, всхлипнув, замерла у плиты, утирая навёрнувшиеся на глаза слёзы висящим на шее полотенцем.

– Ты чего? – встревожился Нарад.

– Битона жалко, – она шмыгнула носом. – Любил он меня душевно, а я раздумывала. Хотя чему быть, того не миновать. Да, и Бастак его ничем не хуже.

Она налила половником в две большие чашки исходящий паром напиток и поставила на стол.

– Ладно, иди, раскисла я совсем, нечего смотреть!

Дивясь на перепады женского настроения, он вошёл в рубку, всё ещё улыбаясь, под впечатлением того, как мурлыкающий змей лопал мясо.

– Бастак, я сейчас в столовой такое...

– погоди, – оборвал его Кормчий. – Посмотри, что за странные звёздочки?

Нарад, поставив чашки на пульт, стал вглядываться в ту часть неба, на которую указывал Бастак. Две красноватых тусклых точки, вроде бы, действительно, медленно, но двигались. Несколько минут прошли в напряжённом ожидании. Отрок, взяв за ориентир одну из светящихся точек, защёлкал клавиатурой, вводя запрос и железо, дзынькнув, выдало результат – точка находится в постоянном движении!

– Это то, что я думаю? – повернулся к нему Бастак.

– Похоже, что да, – поскрёб затылок отрок.

– Похоже! – разозлился Кормчий. – Что ты тогда за лоцман, навь тебя побери?

– Ты чего на меня орёшь? – вспыхнул Нарад. – Я к тебе лоцманом не нанимался! Что, не спрося, купили, то и получили.

Скит поднялся с кресла и молча вышел в коридор. Нарад, сплюнув ему вслед, плюхнулся в кресло. М-да. Похоже, это погоня. Возможно, конечно, что два случайных судна оказались в этом секторе по чистому совпадению. Но надежды на это, вот беда, не было никакой.

Вычислители вошли в обиход настолько давно, никто толком и не помнил, в каком веке, разве что, специалисты. Они существовали всегда. И везде. С помощью их не только что-то рассчитывали. Они служили и средством связи, и будильником, и свахой, и собеседником.

Все летательные аппараты оснащались ими. Это единственное устройство, которое установили на виманах и гарунах сверх того, что уже было изначально.

Их мелодичный голос служил космолётчикам собеседником, сторожевой собакой и мамой родной, наставляющих тех, кто по глупости или неопытности, делал что-то не так. Практически каждый бортовой вычислитель имел своё женское имя. Традицию эту сам вычислитель принял как должное и откликался, такое впечатление, с удовольствием. Здешний носил имя Ириния, но давно уже откликался на просто Рину.

Вычислителям нельзя поручить проложить «дорожку», но такие простые операции, как проводка виманы по уже намеченному курсу, приземление или стыковка, они выполняли безукоризненно. И, как следствие, редкий лецман или пилот брался выполнить это вручную. Конечно, в Даршанах они проходили и ручное управление судном – мало ли, какие неожиданности могут поджидать в Космосе? Но, вот именно, что «проходили».

– Рина!

– Слушаю! – немедленно откликнулся «голос виманы».

– Два движущихся объекта в одиннадцатичасовом секторе.

– Вижу, – мурлыкнула Рина. – Что тебя интересует?

– Кто, куда, зачем?

– Принадлежность неизвестна, следуют нашей дорогой, имеет место медленное сближение, намерения не известны, опасность возможна.

– Молодец, Риночка! Исполать тебе! Объекты держать на контроле!

– Рада служить! – отозвалась Рина стандартной формой ответа и смолкла.

Нарад увеличил скорость до максимума, пытаясь «стряхнуть с хвоста» нагонявшие вражеские суда. Но, как псы, идущие по следу дичи, они неуклонно сокращали расстояние. Подбираясь всё ближе, вороги, видимо, собирались шарахнуть по ним чем-то неприятным типа метателя лучей, применённых ими на Диве. Словно в подтверждение его мыслей, от блестящих тел преследующих их судов протянулись тонкие красные лучи. К счастью, они истончались и гасли, немного не доходя до них.

– Опасный перегрев обшивки! – предупредила Рина. – Уровень приближается к критическому! Необходим уход от преследования! Такой манёвр выходит за рамки моих возможностей! Необходим переход на ручное управление!

– Понял, Рина! – отозвался Бастак. – Исполать тебе.

– Рада служить!

– Ну, что скажешь, лецман? – вернувшийся Бастак, смотрел на него испытующе. – Ручное управление требуется, сам слышал.

Уж за что ценили его Ведающие, так это за инициативность. За это же, правда, случалось, и наказывали. Нарад размышлял пару секунд, не больше.

– Рина! Я Нарад! На правах лецмана беру управление на себя!

– Нарад! Обладаете ли вы достаточным уровнем подготовки?

– Мой ответ, – решительно произнёс он положенную формулу.

– Принято. Передаю управление, – отозвалась Рина.

Чуть дрогнул корпус судна, когда управление перешло в человеческие руки, лоб Нарада покрыли мельчайшие капельки испарины. Теперь он один в ответе за виману и всех, кто на ней находился. Хотя... Если не справится, спрашивать всё равно будет некому и не с кого. Бастак, надо отдать ему должное, в его действо не вмешивался, понимая, что в данный момент слова излишни. Он просто ожидал – что будет.

Суда пришельцев, как Нарад уже успел понять, были более массивными и, соответственно, более инерционными. Взяв в руки «правило», он с ходу заложил такой вираж, что даже возникшая перегрузка вдавила его в кресло. Бастак крикнул, вполголоса помянув родителей пришельцев.

– Нагрев обшивки уменьшается, – спокойно доложила Рина.

– Куда он денется, – процедил Нарад. – Сейчас я, навь их возьми, так заплету «дорогу»... хрен распутают... Рина, следи за их дорогами.

– Принято. Слежу за дорогами.

Когда опасность плавления обшивки отступила, Нарад заложил «дорожку» почти перпендикулярно прежнему курсу. Серебряные цилиндры врагов, медленно разворачиваясь, так же лениво отдалялись.

– Оторвёмся? — спокойно спросил Бастак.

– Через час дойдём до пояса астероидов, – злорадно оскалился лоцман. – А там поглядим, у кого шерсть на спине гуще.

– Ну-ну, – одобрительно кивнул Кормчий.

Парень начинал ему нравиться – стервец тот ещё, но не хлюпик. Словно в ответ на его мысли, возле уха мелодично тренькнул колокольчик.

– Приближаемся к поясу астероидов, – мелодично сообщила Рина. – Напоминаю, что этот участок пояса для виман нашего класса считается труднопроходимым.

– Вот и хорошо, – подмигнул Бастаку лоцман. – Сейчас мы их научим, с какой стороны репу чистят.

– Не поняла.

– Принято, Рина. Исполать тебе. Мой ответ.

– Принято.

Уже были видны висящие в пустоте космоса глыбы разного размера. На фоне некоторых из них вимана смотрелась форменной мышкой-норушкой. Про этот участок среди космолётчиков ходили легенды. Тех, кто ходил через «каменную кашу», знали наперечёт. Да, и не столь велик был тот список. Нарад усмехнулся. Если бы Бастак про это знал... Но скит, по счастью, пребывал в неведении. Нельзя сказать, что страха не было. Но он существовал, как бы, сам по себе, отдельно от лоцмана. Тихо сидел внутри и ни во что не пытался вмешаться. Душу переполнял азарт и весёлая злость.

А вот скорость придётся сбавить, иначе этот каменный лабиринт не проскочить. Тут надо на цыпочках красться, тишком, ящеркой в щёлки просачиваться.

– И так не проскочить... – пискнул изнутри страх.

– Цыц! Тебя кто спрашивал? Сидишь, вот и сиди, мышь серая.

Нарад хмыкнул. Так с ума и съезжают. А вот не дождётесь!

Он нырнул под огромный камень, похожий на голову коня. И сразу едва не налетел на торчащий из него вниз выступ. От резкого виража Бастак распластался по стене. Стряпуху, не ведающую, что творится за бортом виманы, едва не кинуло на горячую плиту. Зато аспид был полностью в курсе, видя перед собой то же, что и Нарад. А потому, забыв о своём желании наведаться в столовую, забился в каюту и терпеливо переносил все уготованные вимане кульбиты.

– Ты что, с ума съехал? – рыкнул Кормчий, чувствительно приложившийся локтем о выступающий край панели.

– Отвяжись... – сквозь зубы бросил лоцман.

Бастак раскрыл, было, рот, чтобы осадить дерзкого мальчишку. Но глянул на проплывающий мимо окна близко, руку протяни, камень размером с небольшую гору, и промолчал.

– Не бойсь, – подмигнул нахальный отрок. – До него ещё далеко. В космосе всё близко кажется. Ах, ты, навь тебя возьми!

Небольшой астероид в секторе на девять часов вдруг стал с одного бока наливаться красным цветом.

– Нащупал нас, пристреливается, – в момент сообразил бывавший в переделках воин.

– Правильно понимаешь, – отозвался Нарад. – Иди к Гиперохе, скажи, чтобы у плиты не крутилась, ошпарит невзначай или пироги подгорят.

Если они решились лезть за ним в «каменную кашу», значит, точно не здешние. Ни один дурак сюда добровольно не полезет. Лично он не в счёт, конечно. Потому что доля оставшихся здесь несоизмеримо превышает долю тех, кому вырваться удалось. Но бывают такие случаи, когда смертельно опасно не нарушение правил, а как раз их соблюдение.

– Опасное нагревание корпуса в районе ртутного контейнера, — доложила Рина.

– Понял, не дурак. Включи поглотитель.

– Принято.

Нарад заложил такой вираж, что несколько весомых камней пронесли в опасной близости от смотрового окна. В висках закололо. Аспид, похоже, недоволен перегрузками. Нарад усмехнулся. Ничего, дружок, придётся потерпеть, это тебе не мясо у стряпухи лопать. Небольшой камешек в секторе на пять часов, попав под красный луч, вдруг выбросил клубок пара и взорвался, разлетевшись на множество осколков. Несколько из них стукнулось в прозрачный материал окна. Виману слегка качнуло. Нарад вдруг замер от пришедшей в голову мысли. Авантюра, конечно, но нормальные методы здесь не годятся по определению. Значит, поехали!

Он глянул в экран заднего обзора. Блестящий цилиндр преследователя как раз скрывался за гороподобным астероидом. Так, постараемся с толком использовать перерыв. Впереди, как раз, появилось что-то вроде коридора. Прибавив скорость, Нарад пролетел его, как пушечное ядро. Сбавив ход, он двигался, оглядываясь в поисках нужного ему астероида. О! А вот это, кажется, то, что надо. Громадный камень щерился искристыми кристаллами льда. Он оглянулся. Блестящий нос вражеского судна высывался из-за астероида.

– Ну, выноси, Сварог!

Он решительно повернул виману прямо к оледенелой горе и снова посмотрел назад. Судно врага разворачивалось носом к нему, занимая позицию для атаки. Нарад мельком глянул вперёд. Астероид надвигался неумолимо, как Судьба. Пора!

Заложив крутой вираж влево, он ушёл в свободное от камней пространство. Потянув управление на себя, Нарад заставил виману подняться выше и, обогнув осколок с виману ростом, увидел, как красный луч ударил в выбранный им астероид. Из того места, куда попал заряд, выстрелил клуб пара. Секундой позже гороподобное тело беззвучно вспучилось от взрыва. Уходя за выбранный им камень, Нарад ещё успел увидеть, как в двенадцатичасовом секторе, беспорядочно кувыряясь, проплыл огромный кусок астероида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.